

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВ

DELIRIUM TREMENS

18+

Александр Николаев

Delirium tremens

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40229989

SelfPub; 2019

Аннотация

Тех, кому она вначале покажется странной, прошу дочитать её хотя бы до пятой главы... О чем эта книга? О Боге, о жизни и о любви. О том, как и для чего этот мир создан. Или фантастическая история о том, как русские небанально пропили американские деньги.

Содержание

Delirium tremens	4
Пролог	5
Глава о той части разговора, о которой Эндрю Маккинли предпочел помалкивать. Нелепые улыбки. «Оранжевая теория» и вечный двигатель	13
Глава, в которой еще один разговор	33
Глава, ради которой, может быть, все и писалось. Или еще один, долгий и нудный, разговор	40
Глава о грозе, и неочевидности происходящего	85
Глава, в которой не было бы счастья...	104
Глава, в которой все только начинается	124
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Delirium tremens

Пролог

*А мир устроен так...
Леонид Дербенев.*

– Нет.

– Нет?

– Нет! – Сэлливан Элдридж, не дочитав до конца, раздосадовано отбросил от себя служебную записку, – Знаешь, Эндрю, прочитав ее отчет, я подумал, что это шутка. Что девочке в отпуск пора. Переутомилась! А ты реально пришел ко мне с этим?! Давай поговорим спокойно. Давай поговорим здраво. С другим бы я и няньчиться не стал, но мы с твоим отцом были не просто друзьями. И в память о нем, я должен... нет, просто обязан, оградить тебя от такого необдуманного, опрометчивого шага. От ошибки. Ведь, ты же мне не чужой. Я отношусь к тебе, как к сыну. То, о чем ты просишь – это... черт... да, это безумие! Это блеф. Это карточный перебор. Никто и никогда не даст тебе денег на эту... эту авантюру! – старое, похожее на подкову, кресло раздраженно взвизгнуло, отполированной временем, рыжей кожей – Салли размашисто, «в сердцах», хлопнул тоненькой папочкой небогатого досье по такому же старому, рыжему, изрядно потертому месту стола, – Вот все, что есть по твоему Зобину! Но и этого хватит, чтобы отказать. Окончательно. Бесповоротно. И да-

вай не будем продолжать этот, ни к чему не обязывающий, разговор!

«Актеришка из тебя никудышный,» – избыточная доля драматизма и театральность жеста шефа, приложившего папкой по столу, позабавили Эндрю, но от подступившего смешка он удержался:

– Послушай, Салли, мне не очень-то хочется тебя уговаривать. Знаешь, я бы мог обойтись и без твоей визы. Мог вообще не ставить тебя в известность. Но я пришел к тебе. И, как ты правильно заметил, не только, как к шефу. Мы же знакомы тысячу лет! Я пришел к тебе, как к другу. Как к отцу. Пришел за пониманием и поддержкой. Пришел, потому что уверен: ты не лукавил, расплескивая комплименты моему чутью на приеме в посольстве. А я чувствую тут удачу... Пришел, потому что ты подпишешь это, – Эндрю Маккинли небрежным щелчком подтолкнул листок служебной записки поближе к боссу.

– Ты меня не слушаешь! Точнее, не слышишь! – Салли брезгливо отпихнул от себя эту бумажку и выдернул содержимое папки. Но читать не стал. Он и так все помнит, – Ему сорок пять лет, и он – никто! Лузер! Жалкий инженеришка в заштатной лаборатории убогого провинциального университета! Единственный достоверный факт из жизни которого – это пребывание в психиатрической клинике! А после, двадцатилетний провал – о нем не было ни слуху ни духу. Ты понимаешь, за кого ты просишь?

Ни званий, ни степеней, ни публикаций... Ни одного патента. Ничего! Пустое место. И на этом пустом месте, вдруг, как кролик из шляпы – готовый прототип, который наши гении негарантированно обещают не раньше, чем в следующем десятилетии? Ты понимаешь, что это – по меньшей мере странно? А я бы сказал – подозрительно.

– Понимаю. Подпиши. – Эндрю в третий раз придвинул к нему служебную записку и, видя короткое замешательство шефа, улучил момент продолжить главное, – А теперь, подробности встречи. Сибирячка оказалась права. Более того, аккумулятор оказался даже меньше, чем я ожидал. Литий ионный... – он на мгновение прикрыл глаза, воскрешая детали, – плоский такой, в металлизированной пленке, одна надпись на китайском, штрих-код, три и семь десятых вольта, десять тысяч миллиампер. Генератор в кожухе – пластиковая коробочка – около фута в длину, четверть фута в ширину и не более дюйма в толщину. С источником света ничего не ясно и заглянуть внутрь не было никакой возможности: корпус заклеен. На выходе из генератора волновой световод. На вид – кусок обычного сетевого оптоволокна, пару футов в длину, не больше. Преобразователь залит компаундом, под которым проглядывает катушка из толстого провода на ферритовом кольце и довольно массивный радиатор, предположительно из меди. По элементной базе сведений никаких нет, но думаю – там ничего удивительного... За радиатором, на преобразователе два внушительных зажима,

похоже от автомобильного зажигания. Вот, пожалуй, и все. В них был вставлен электрод – кусок медного провода большого диаметра... Хм, с десятую дюйма, не тоньше! А потом, он подключил аккумулятор к генератору обычными тоненькими проводочками, просто приложил их к клеммам и... – пшик! – электрод сторел мгновенно, буквально вспыхнул, разбрызгав капли расплавленного металла. Испортили ска-терть на столе...

– Фокус. И не более.

– Если бы я не видел своими глазами – это первое, что пришло бы мне на ум. Но я крутил эту штуковину в руках. Салли, это не фокус!

– Поверь мне, я тоже всякое повидал на своем веку. Это фокус, мистификация, обман с целью вытянуть из нас деньги. В этой стране верить в такие вещи – по-детски наивно. Ты недавно здесь и многого еще не понимаешь.

– Салли, если это обман, то он появился задолго до того, как в нем возникла реальная необходимость. Вопрос – зачем? Нашему интересу к этой теме только четыре месяца, а устройство, по отчету Сибирячки, существует около пяти лет.

– Обман, даже если он с бородой, не перестанет быть обманом. Были, вероятно, интересующиеся и до нас. Я, как ты, конечно, в Массачусетсе не учился, но даже моих скромных познаний достаточно, чтобы понять, какой силы ток должен протекать в электроде! Мгновенно! И без падения напряже-

ния! Сотни ампер! А это, при исходных данных, что ты обозначил – невозможно. Нонсенс. Фикция! Какие КПД и быстрое действие должно иметь такое устройство? При таком слабом источнике? Это обман! – он перевел дух, промокнул испарину на лбу, – И... Даже, если это не обман, откуда сумма такая неадекватная?! Тоже мне, прототип НЛО! За что такие бешеные деньги?!

Эндрю улыбнулся. Ясно, что Салли обмяк. Дело в шляпе. И хотя он знал этого старого зануду с самого своего младенчества, а стало быть, невелика победа, но все равно – черт побери! – до чего же приятно осознавать, как ловко он, Эндрю Маккинли, умеет манипулировать людьми, потакая их привычкам и слабостям:

– Ладно, старина, оставь свои, пропахшие нафталином, бюрократические придирки, – внезапно голос Эндрю подхлестнула страсть, – Знаешь, что я почувствовал, когда это увидел? Что мне, может быть, впервые в жизни повезло и предоставился шанс не просто купить доморощенный прототип у сумасшедшего ботаника, а стать вершителем судеб. Меценатом! Провидцем. Богатым человеком. Щедрым. Дальновидным! Ты только представь, что мы выделяем грант на развитие нового технического... да что там технического!... фундаментального научного направления! Конечно, пока мы только в начале пути, но у нас уже есть результат! Причем такой, что впору сейчас же строчить триумфальные донесения хоть в Лэнгли, хоть в Фолс-Черч! А мы не освоили

еще ни одного цента. А что будет дальше? Только представь, какие пряники, как говорят русские, маячат там, впереди!

– Боюсь, никаких пряников не будет... – Эддридж порывом Маккинли не вдохновился, – Ладно, давай поговорим о том, что не поместилось в твой отчет. Вижу, тебе и без этой писанины есть, что рассказать.

– Ну... – не сразу продолжил Эндрю, – я с тобой соглашусь, есть в нем что-то такое... неприкрытый флер безумия, я бы сказал. Только, не все так однозначно. Похоже, он нарочно притворяется немного чокнутым, дурачит окружающих. К тому же, мне показалось, что он порядочный лентяй. С его слов, тема еще не завершена. Причем, продолжить работу над ней, мне буквально пришлось его уговаривать. Мда...

Еще один неприятный момент – он абсолютно четко понимает возможное дальнейшее применение этой технологии. Тут нам сэкономить не удастся. Шла речь и о возможности ее применения в военных целях, в условиях агрессивных электромагнитных и графитовых атак на энергоносители. Все это он понимает и цену своему устройству знает. Кроме того, меня не покидало чувство, что он знает нечто такое о применении этой технологии в будущем, что мы пока даже не принимаем в расчет. Знаешь, интуиция меня никогда не подводила. И это чувство не давало мне покоя. Я думаю, обратить внимание на это крайне важно. Мне кажется, проще будет понять перспективы дальнейшего развития

темы из продолжения его работы над ней, не педалируя излишний интерес с нашей стороны, и не пытаясь узнать все и сразу. Можно спугнуть, мало ли... А деньги?... На них он собирается набирать группу. У него есть план работ, рассчитанный на три месяца, и одно, но предельно жесткое условие, – в первый раз за весь разговор Эндрю осекся.

– Условие?

– Да. Условие. Он требует полной свободы действий по своему усмотрению. Мы три месяца не лезем в его дела и никак не контролируем ход работы. Получаем только результат.

– То-то я думаю, все больно гладко стелется! – Сэлливан Элдридж обрадовался нечаянной возможности встать на дыбы, – Передай ему, пусть он катится к чертям со своим условием! Вот мой окончательный и бесповоротный ответ! Он не получит ни цента! Я все сказал. Разговор окончен.

– Жаль. Очень жаль. Я думаю, для тебя не станет неожиданностью мой следующий шаг? И разрешения твоего мне не понадобится... – Маккинли понял, что заболтать старого лиса, и проскочить самое узкое место в разговоре не получилось.

– Малыш, мы с тобой не в частной лавочке работаем, и я, как твой босс, запрещаю тебе это делать.

– Извини, Салли, мне искренне жаль. Ничего личного, но, как ты сам только что выразился: «разговор окончен», – Эндрю терпеть не мог, когда его называли «малышом». Он ни-

чего не добавил на прощание, едва заметно кивнул головой и вышел из кабинета.

«Щенок», – криво усмехнулся своим мыслям Сэлливан Элдридж и щелкнул кнопкой старенького, выдавшего виды и все континенты, диктофона...

«Старый пердун!» – остановился за дверью шефа Эндрю. Перевести дух и выключить запись звука в своем айфоне.

Глава о той части разговора, о которой Эндрю Маккинли предпочел помалкивать. Нелепые улыбки. «Оранжевая теория» и вечный двигатель

– Даже не знаю, что сказать... Я восхищен! Это очень впечатляюще. Но...

– Но?

– Понимаете, Михаил Дмитриевич...

– Михаил.

– Да, извините. Понимаете, Михаил, все это больше похоже на шоу. На трюк... Ой, извините еще раз, – Эндрю сделал вид, что ему стало очень неловко.

– Ничего, ничего... я понимаю. Держите, – Зобин протянул собеседнику коробку генератора, – и преобразователь можете пощупать, и стол изучить, и под столом полазить. Это не трюк.

– Я Вам верю, но вера, согласитесь – это не доказательство, – американец даже не пытался быть дипломатичнее.

– Как знать, как знать... Здесь я, пожалуй, с Вами не соглашусь, – задумчиво замер Зобин. И тут же словно очнулся, – это я о вере, конечно. А вообще, Вы странно себя ве-

дете.

– В каком смысле странно? Что Вы имеете ввиду?

– Ну... Вы сами настояли на этой... на этом randеву. Сами попросили продемонстрировать работу устройства, а теперь меня не покидает ощущение, будто это я искал встречи с Вами, чтобы продать его подороже, и сейчас набиваю цену. А я, собственно, ничего продавать не собирался. Вы ведете себя, как шпион, который изо всех сил старается ничем свой интерес не выдать, – Маккинли показалось, что Зобин над ним издевается, – Оконфузил я Вас? Извините, – еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться, растянулся он в широчайшей улыбке.

– Вы хотели задеть мое самолюбие? Напрасно. Вам это не удастся. Напротив, все сказанное Вами, для меня, в некотором роде – комплимент, – три раза акцентируясь на слове «Вы», обиженно отчеканил американец.

– Боже меня упаси! Чего уж я точно не хотел, так это Вас задеть за живое. Разве что, пошутить, и то – малость, – молитвенно, как пономарь, растягивая слова, заблажил Зобин, – да видно криво у меня сие получилось. Вы уж, батюшка, не обессудьте, – даже извиняясь перед своим гостем, продолжал он валять дурака.

– Ну, под стол я, конечно же, не полезу, – приняв и такие извинения хозяина дома, улыбнулся Маккинли, – слишком много народу. А на преобразователь, пожалуй, взгляну.

– Смотрите, – снова улыбнулся в ответ Зобин, – Смотрите,

чего уж там...

– Скажите, Михаил Дмитриевич... Ой, извините, Михаил. А почему об этой технологии нет никаких публикаций? Ни под Вашим авторством, ни под чьим-то еще?

– Других авторов нет, а мне писать об этом не было нужды. Тема не вызвала в свое время никакого интереса у окружающих, а теперь она не вызывает интереса у меня.

– Хотите сказать, что Вы напрочь лишены даже элементарного тщеславия? – американец, слегка прищурившись, цепко уставился на хозяина дома, а тот был обезоруживающе прям и добродушен:

– По-моему, я ничего такого не говорил.

– Даже если не говорили! Сунули в стол такую перспективную разработку и рассказываете о ней столь пренебрежительно, словно речь идет о банальном кипятильнике. Между тем, подобного рода технологии могли бы дать развитие целому направлению в прикладной науке. И сделать имя любому ученому мужу.

– Где Вы изучали русский?

– А что?

– Забавно. Ваша манера, как бы это сказать, излишне правильно... литературно изъясняться. Не покидает ощущение, что я общаюсь с героем классического романа второй половины девятнадцатого века. Необычно слышать такое, да к тому же от иностранца. Но мне нравится. И акцент тут, неожиданно к месту. Словно разговариваю с Мефистофелем.

– Что это? Комплимент? У меня способности к языкам... А вообще, если честно – это от отца. Не знаю, откуда он – потомок древнего шотландского рода – говорил на русском, как на родном языке. Оставаясь наедине со мной, с самого детства, старался разговаривать только по-русски. Львиной долей книг в нашем доме была русская классическая литература. В этом есть какая-то тайна, – голос Эндрю дрогнул, и лицо его на мгновение помрачнело, – Тем не менее, Вы не ответили, почему эта работа не получила развития?

– Мне это не интересно.

– Не интересно? – Маккинли поперхнулся чаем, поставившись сделать вид: не от услышанного, – Неожиданное, я бы сказал, обескураживающее заявление. Поверьте мне, я предрекаю этой технологии в скором будущем бурное развитие. И финансирование. Перспективнейшее будет экспериментальное направление современной прикладной науки. И инвестиции ждать себя не заставят.

– Современную науку я и имел ввиду.

– В каком смысле науку? Или Вам наука не интересна?

– Современная наука? Нет!

На мгновение Маккинли показалось, что дальше говорить уже не о чем. Последняя реплика Зобина грозила перерасти в молчание, и он решил не отставать:

– Я Вас не понимаю. Что Вы имеете ввиду, говоря «современная наука»?

– Инфраструктуру, конечно же. Организации и инстан-

ции, которые теперь этой наукой у нас занимаются, – Зобин криво усмехнулся, – Вот удачно-точное определение – «наукой занимаются». Этакое собрание новых доминиканцев по интересам. Узкие специалисты в широких областях. Пресыщенные и довольные, а потому и трусливые. Сильно эволюционировавшие в том, что сейчас они не только сами смотреть не будут, но и Вам не дадут.

– Откуда такой радикальный пессимизм? Часто приходилось с ними сталкиваться?

– Дважды.

– Дважды?! Ну, Вы даете! Всего два раза?! Кажется, Вы совсем не умеете бороться за свои убеждения.

– Вы правы. Не умею. Не умею и не понимаю, почему за них нужно бороться! До сих пор никак в толк не возьму необходимости или прелести подобного рода борьбы, а посему и не умею, и не хочу!

– Гордость – не лучший союзник. Но, сегодня можно заниматься... – поняв, что разговор складывается, как нельзя лучше, надо только избегать словосочетания «заниматься наукой», он тут же поправился, – Сегодня можно работать, минуя все эти бюрократические организации. А иногда это даже полезно. И я в этом могу Вам помочь.

– Я определенно угадал, Вы – шпион! – Зобин снова поидиотски раздражающе заулыбался, и Эндрю не нашел ничего лучшего, как улыбнуться в ответ:

– Согласны?

– Нет.

– Но, почему?

– Да, Вы возьмете и продадите его своим воякам. В моем понимании – это недопустимо. Можете считать меня впавшим в дostoевщину мракобесом, но вопрос, что дозволено человеку, если Бога нет, для меня не стоит. И не спрашивайте почему – не отвечу. Рано еще. И слезинкой ребенка не попрекайте, ибо не Бог ее попускает, но человек. Нам все дано свыше, чтобы слезинки эти не множить, – Зобин коротко взглянул на гостя и остановился – Маккинли прекратил улыбаться, беспомощно хлопая глазами. Он решительно перестал его понимать:

– Вы пацифист? Неожиданно! – наконец справился с собой американец.

– Никогда не причислял себя к таковым, но если все взвесить, думаю: да, я пацифист. Люди дошли до «ручки», когда нужно, как ни прискорбно, либо прогресс притормозить, либо человечество образумить... Иначе прогресс быстро доведет его до откровения.

– До чего доведет? Я не понял.

Зобин не ответил. Возникла неловкая пауза. Один свою мысль закончил, другой не понимал, как из этой концовки развить свою и продолжить разговор о главном.

– Так, Вы согласны? – бухнул Эндрю, не найдя лучшего продолжения.

– Нет.

– Почему?

– Я уже говорил, мне это неинтересно. Тема старая, она изжила себя во мне... Мне это неинтересно.

– Я же не призываю Вас продолжать работу исключительно ради интереса. Мы готовы предложить Вам деньги. Приличные деньги, имея которые, Вы смогли бы работать над чем угодно. Над тем, что Вам интересно.

– Знаете, лет двадцать назад, не находя себе покоя, я проехал эту страну с запада на восток. И где-то посередине нашел одно место. Небольшой сибирский поселок. Скорее, даже село. В излучине красивейшей, благодатной реки. Бревенчатые дома, дощатые причалы, моторные лодки; вода охватывает берег кругом, как полуостров, а за околицей тайга... Тогда мне было не до того. Но сейчас, будь у меня деньги, я бы, не задумываясь, бросил всю эту работу, – Михаил Дмитриевич мечтательно прищурился, – и купил бы там дом. И ловил рыбу. До конца своих дней. Встречая рассветы и провожая закаты с удочкой в руках.

«Ну и зачем он все это мне говорит?! Идиот! Как можно с таким вести дела?! – злился на Зобина Эндрю Маккинли, – Олух! Ленивый и упрямый баран!»:

– Неожиданное желание. Мне показалось, Вы горы способны свернуть, а Вы... собираетесь ловить рыбу?

– Тем не менее. Будь у меня возможность выбирать между рыбалкой и работой на Ваши деньги, а по сути под Вашим присмотром, я бы, не задумываясь, выбрал рыбалку.

– Подождите. Вы меня запутали. Предположим, нет никого, Вы никому ничего не должны, и у Вас есть деньги. Не мои, а Ваши деньги, но с условием, потратить их не на рыбалку, а на работу. Чем бы Вы стали заниматься тогда?

– Зачем Вам это? К тому, что Вы видели здесь сегодня, эта работа не имела бы никакого отношения. Тем более, она вряд ли нашла бы хоть какое-то практическое применение. Вас она не интересует, – Зобин замолчал. Он подошел к окну, открыл форточку и закурил. Выпуская дым в черный ночной проем, Михаил Дмитриевич впервые за весь вечер стал серьезным и сосредоточенным.

Эндрю показалось, что он уловил внутреннюю борьбу и волнение, которые хозяин дома старался спрятать от чужих глаз, как можно глубже, в себе.

– Что я вижу? Признаюсь, что уже не ожидал от Вас проявления настоящих человеческих эмоций. Но теперь и я Вас смутил! – обрадовался американец. Наконец-то пришло время постебаться в ответ, – Судя по реакции – Вы изобрели вечный двигатель! И не меньше! – Маккинли испытывал блаженное злорадство: «Вдоволь ты надо мной потешался. Теперь моя очередь!»

– Вечный двигатель? – переспросил Зобин, не скрывая разочарования от банальности предположения, – При чем тут вечный двигатель? – досадно хмыкнул он себе под нос и далее продолжил обыденно, так, словно речь шла о починке капающего на кухне крана, – Я же говорю, речь идет о ра-

боте, которая не найдет практического применения. А вечный двигатель... – он на мгновение замялся, – этап пройденный и к обсуждаемому делу отношения не имеет. Я говорил о другой работе.

Сказано это было буднично. Даже скучно. Настолько, что Эндрю стало не по себе. Так бывает, когда во время захватывающего разговора, вдруг приходит осознание психического нездоровья собеседника. Казалось, вот только что он держал Вас в напряжении, приковывая внимание, не переставал удивлять, но уже через мгновение хочется только одного – бежать от него подальше. Как только ему это объяснить по-тактичнее? А еще лучше, как сделать так, чтобы ничего объяснять не пришлось? Эндрю стало вдруг неуютно; по спине пробежали подлые мурашки; он почувствовал пат в разговоре:

– Вот так вот?! Да?! Вы изобрели вечный двигатель?... Давно?! – запутавшись в чувствах, вспылил Маккинли. Он злился на Зобина, на Сибирячку, на весь мир, но больше всего на себя: «Какого черта, я вообще здесь делаю?! Договорились до абсурда. Конченный псих, а я ведь повелся. Бежать отсюда! Бежать. И побыстрее!»

– Вечный двигатель... – словно вспоминая что-то, еле слышно, про себя промямлил Зобин, подошел к книжному шкафу, достал из него простую, тоненькую, ученическую тетрадь и положил ее перед американцем.

– Что это? Описание? Значит, работающей модели не су-

ществует?! Уфф... А я грешным делом решил, что Вы меня опять... – выдохнул американец спасительную дозу облегчения.

– Типовых деталей нет. Я пытался заказать изготовление, но ничего не получилось. Везде отказали, – Зобин оставался естественным и спокойным, отчего нервозность американца снова усилилась.

– ...что Вы меня опять удивите, – после короткого замешательства закончил он свою реплику.

– Понятно, – Михаил Дмитриевич взял со стола тетрадь и собрался вернуть ее на прежнее место...

– Подождите! Это нечестно. Я очень хочу посмотреть! Просто... Просто я немного не так выразился... Точнее Вы меня не так поняли!

«Вот барахло. Двадцать первый век, а он ручкой пишет», – поморщился Маккинли, кое-как прочитав оглавление: «Оранжевая теория».

– Что-то не так?

– Понимаете, говорю я хорошо, и читаю машинописные тексты без проблем, но у Вас рукопись... русский язык от руки – это мучение.

– Да и почерк у меня не каллиграфический, – дружелюбно улыбнулся Зобин, – давайте я Вам помогу. Вот тут, смотрите, схема и описание, – он начал листать тетрадку.

– А это что? – Маккинли остановил руку, перелистывавшую страницы.

– Это строение ядра атома, – прокомментировал Зобин, заинтересовавшую американца, картинку.

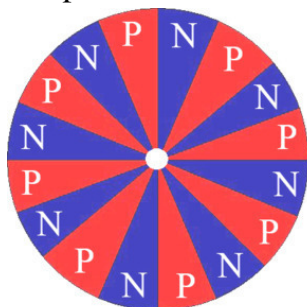
– А почему Вы считаете, что оно такое? Апельсин, а не ядро.

– А почему Вы считаете, что оно другое? Вспомнили рисунки из учебников, где ядро – это шарообразное скопление из шариков поменьше? Про апельсин Вы, как говорится, не в бровь, а в глаз. Теория поэтому и называется оранжевая. На самом деле, у всех, при словосочетании «атомное ядро» в памяти всплывает этот... гейзенберговский комочек. Такое устройство ядра совершенно ничего не объясняет. Ни один внутренний процесс. И это, – он ткнул пальцем в заинтересовавшую гостя картинку, – моя теория пространственного распределения вещества элементарных частиц в ядре атома. Давайте рассуждать логически. Представьте себе элементарную частицу. Протон. В атоме он с огромной силой притягивается к нейтрону. Силой настолько большой, что она, притягивая их друг к другу, деформирует вещество, заставляя его занять в пространстве минимальный, оптимальный и равноправный, если так можно выразиться, объем. Понятно, что оптимальный наименьший объем – это сфера, шар. При этом сила взаимодействия такова, что элементарные частицы, по определению выше, должны занимать в этом объеме равноценные и равноправные доли. И по логике, доли эти – сектора шара. Как дольки в апельсине. Хотя, – он на мгновение замялся, – На самом деле, не совсем

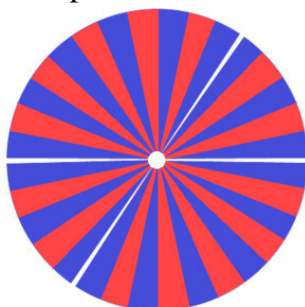
дольки, а скорее – баранки...

– Баранки?

– Да, примерно такие, приплюснутые в двух плоскостях торроиды, – Зобин набрал из вазы с чайными сладостями пригоршню маленьких сушек с маком и одну из них протянул гостю, а остальные начал втыкать в крем торта, – расположенные вот так, по кругу... Но для облегчения понимания модели, давайте пока остановимся на апельсиновых дольках. А о баранках, если захотите, поговорим как-нибудь в следующий раз... Так вот, такое строение объясняет все.

Ядро

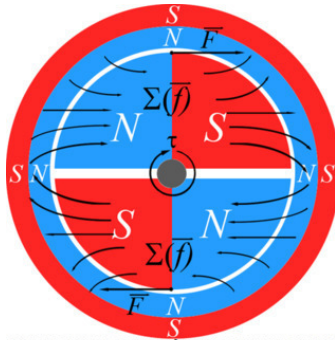
Радиоактивность

– Что, например? – Маккинли остро почувствовал «свежую кровь». В висках застучало. Чистый адреналин!

– Например, радиоактивность, скажем так, с «пространственно-механической» точки зрения. Вот смотрите, – Зобин перевернул страницу и ткнул пальцем в другую картинку, – Из-за большего количества нейтронов, в радиоактивном ядре будут участки, где эти нейтральные дольки соседствуют. Понятно, что нейтральные частицы из-за отсут-

ствия взаимодействия между собой прилегают неплотно, создавая «трещины». Эти дефекты и есть радиоактивность. Очевидно, почему, в конце концов, такое ядро развалится.

– Я понял. А это и есть двигатель? – Маккинли перевернул следующую страницу: «Ого! Заявка №2009114503/06 (019733) ... Да, он собирался его запатентовать?!...»

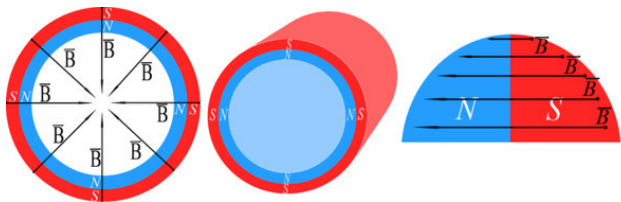

Двигатель состоит из корпуса, закрепленного в нем статора, представляющего собой полый цилиндрический постоянный магнит, имеющий равномерную толщину и равномерную радиальную намагниченность стенки, такую, что в любой произвольной точке стенки статора вектор магнитной индукции, проходящий через эту точку, всегда будет направлен по радиусу - перпендикулярно касательной к линии окружности цилиндра в этой точке и строго к геометрическому центру окружности цилиндра, а также ротора, состоящего из двух идентичных полных полуцилиндрических постоянных магнитов, линейно намагниченных, так, что в любой произвольно взятой точке магнита ротора, вектор магнитной индукции, проходящий через эту точку, параллелен плоскости тангенциального «среза» полуцилиндра и параллелен основаниям-полуокружностям,

причем магниты-полуцилиндры закреплены на оси ротора параллельно тангенциальными плоскостями и диаметрально-противоположно один против другого так, что их магнитные потоки направлены под углом 180° относительно друг друга, то есть полюса магнитов ротора направлены в противоположные стороны, а внешние размеры, составленного из них «цилиндра» ротора таковы, что он полностью помещается внутри статора, при этом его ось шарнирно закреплена в корпусе и он может свободно вращаться внутри статора на своей оси, центр которой совпадает с геометрической осью цилиндра статора.

– Да. Структурно. Естественно, вместо частиц, магниты.

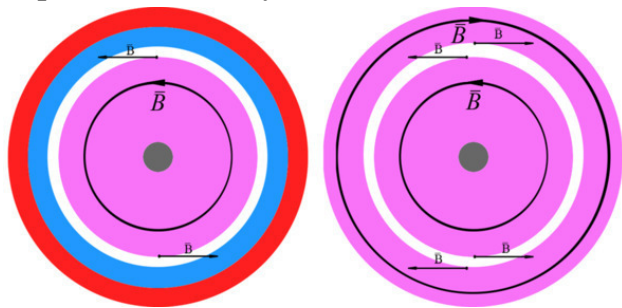
– Но... – Маккинли скептически прикусил губу, – Поток магнитной индукции внутри статора будет равен нулю. У вас – это замкнутое, зеркально-симметричное пространство внутри цилиндра. Ну... по Гауссу. Круговое...

– Вы хорошо учились в институте. С Гауссом на короткой ноге, – поощрительно усмехнулся Зобин, – Ваше замечание справедливо, если описывать полный магнитный поток внутри пустого цилиндра. Но в данном случае силовое взаимодействие между ротором и статором происходит между их поверхностями в малом зазоре. То есть там, где противодействие встречных составляющих потока ослаблено расстоянием от противоположной поверхности, которое намного больше величины зазора. А еще в гораздо большей степени оно ослаблено экранизацией ротора, который занимает почти все внутреннее пространство статора. Речь идет о взаимодействии двух магнитов, а не о свойствах магнитного потока одного из них, – Михаил Дмитриевич снова подошел к окну, открыл форточку и достал сигарету, – Прототип такого движения существует с момента сотворения мира. Посмотрите на картинку. Двигатель очень похож на атом гелия. Поэтому я и назвал его «Гелиоспин». Разница лишь в том, что в атоме гелия, из-за колоссальной разницы масс, «статор» электронной оболочки вращается вокруг «ротора» ядра...

Должен признаться, что задумано это было немного ина-

че. Вначале идея выглядела легче... элегантнее. Смотрите, – после недолгого колебания он вернулся к столу, открыл тетрадь в конце и вытащил из обложки две вырванные страницы, – Здесь ротор и статор представляют собой цилиндры, намагниченные так, что в любой точке тела такого цилиндра вектор магнитной индукции направлен по касательной к окружности. То есть, общее, интегральное направление магнитного потока в них будет замкнуто по кругу. Такие вот магниты без полюсов. Круговые монополи. Идея в том, что любое внешнее воздействие магнитного поля на такой ротор, приведет к его закручиванию, так как сила всегда будет приложена к нему по касательной.

– Почему же Вы от нее отказались?

– Я не отказывался. Сначала я не смог заказать изготовление таких магнитов, точнее, не нашел никого, кто согласился бы их изготовить. Потом не смог объяснить в описании, что значит «магнит без полюсов». Меня не поняли. Попросили указать «полярность используемых магнитов», – Миха-

ил Дмитриевич горько усмехнулся, – Я переделал один раз. Потом другой...

– А дальше?

– А дальше заявка не прошла экспертизу по существу. Причем, ответ был настолько формальный, что совершенно меня не удовлетворил. Я позвонил, чтобы разобраться.

– И?

– И меня пристыдили. Сказали: «взрослый, вроде, человек, а занимаетесь такой ерундой»... – Зобин замолчал, отхлебнул из чашки и недовольно поморщился – чай в ней был уже совершенно холодный, – А вообще, Вы знакомы с современной концепцией вечного двигателя?

– Нет. А что, разве такая концепция существует?

– Ну... Если в двух словах, она выглядит так. Считается, что наша вселенная заполнена материей относительно равномерно. Так вот. Если найти или создать в ней области с более высокой или наоборот более разряженной плотностью материи, чем вокруг них, то начнется отток, либо приток материи, выравнивающий ее плотность в этих областях с плотностью материи извне. Используя это движение, можно создавать устройства с КПД гораздо больше единицы. Этот двигатель реализует этот принцип. Смотрите, взаимно-встречные потоки магнитной индукции внутри цилиндра статора увеличивают плотность материи магнитного поля внутри его пространства. Что, в свою очередь, создает движение... – Зобин не договорил, потому что Маккинли

неожиданно выхватил из его рук тетрадь и вернулся к описанию строения ядра атома. Кое-как разбирая корявую писанину Михаила Дмитриевича, он наконец одолел эти несколько страничек и застыл в ступоре. Во рту пересохло:

– Налейте еще чаю. Пожалуйста.

– Конечно, – Зобин встал, вышел из комнаты и через какое-то время вернулся с заварочным чайником.

Маккинли машинально налил себе чашку, отхлебнул и страдальчески сжал губы.

– Кипяток! – только и успел воскликнуть Зобин, – Горячо! Я же только что его заварил!

Маккинли, не обращая внимания на ожог, осторожно поинтересовался:

– А Вы в курсе, что квантовая теория началась с того, что Бор попытался разрешить парадокс движения электронов в планетарной модели атома Фарадея?

– Конечно, – Зобин был невозмутим, – только, началась она не с Бора, а с Планка.

– Если бы не Бор, она на Планке бы и закончилась... Так Вы утверждаете...

– Я утверждаю, что максвелловская электродинамика, как и положено, работает в микромире. Электронная оболочка, здесь Бор был прав, говоря об оболочке... если начать объяснять ее строение, мы вернемся к разговору о баранках, о которых договорились пообщаться в другой раз. Так вот, электронная оболочка создает внутри себя уплотнение магнит-

ного поля. Ядро, принимая во внимание строение, описанное выше, силовым магнитным взаимодействием, направленным по касательной к ней, сообщает электронной оболочке угловое ускорение, компенсируемое в конечном счете электромагнитным излучением до нуля, поэтому скорость ее вращения, в неизменяемых условиях, постоянна. Электронная оболочка, «разгоняемая» ядром, вращается, излучает электромагнитные волны, не теряет энергию, не останавливается и не схлопывается ядром, потому что КПД этой системы равен единице. А электромагнитные волны, излучаемые электронной оболочкой атома в результате вращения, являются причиной межатомных, химических и магнитных связей. Но об этом, если захотите, я подробнее расскажу как-нибудь позже...

– То есть, Вы полагаете, что ответ на вопрос о природе движения электронов в планетарной модели атома Фарадея кроется в строении ядра? Что они в свое время «не дожали тему», уделив ядру слишком мало внимания? Что каждый атом – это маленький вечный двигатель?

– Да. Всех тогда больше интересовали электроны, а не ядро. Все почему-то решили, что они и есть источник собственного движения, вращаются самостоятельно.

– Вам удалось невозможное. Вы вынесли мне мозг, – Маккинли выглядел так, словно увидел приведение, – а как же постулаты Бора? Квантовая теория?!

– Извините, – Зобин смущенно улыбнулся, – я считаю, что

чем меньше в теории постулатов, тем ближе она к истине...

Маккинли долго молчал. Отхлебывал подостывший чай. Снова и снова перелистывая тетрадь.

– Я понял принцип, и он, как бы это сказать, – Эндрю долго не мог подобрать слова, – крайне красив, тем не менее...

– У нас был авиаконструктор, который считал, что если самолет красив, он обязательно полетит.

Теперь к окну подошел американец. Воздуха не хватало. Зобин протянул ему сигарету.

– Спасибо, я не курю.

Зобин закурил сам – не класть же ее обратно – и встал рядом. За ледяной коркой на стекле расплывалась далекими огнями морозная темнота.

– Вы много курите... Теперь я понимаю, почему Вам отказывают, и почему Вы не хотите бороться. Во все это не верится, даже при полном понимании процесса, – вздохнул Эндрю и снова замолчал.

Так они и стояли у окна. Молча. Михаил Дмитриевич курил. Маккинли пытался разглядеть что-то там, в искаженном ледяном мире за стеклом. Минуту или две. Может быть десять...

– Вернемся к моему предложению, – наконец взбодрил себя американец, – Вы утверждаете, что есть тема, которая привлекает Вас больше рыбалки?

– Есть, – Зобин больше не улыбался.

– Не могу не спросить, и больше чем это? – он кивнул

в сторону, лежавшей на столе тетради.

– Больше. Только повторяю, она фактически не имеет практического применения. Зачем она Вам?

– Не мне, а Вам! – Маккинли почувствовал себя боже-
ством.

– Впервые с начала нашего разговора, я Вас не понимаю.

– Все очень просто. Мы выделим Вам необходимую сумму в полном объеме. На оба проекта. С условием, что Вы обязательно закончите работу над генератором. Кроме этого, мы хотим получить результаты этих Ваших... исследований, которые не будут иметь практического применения. Может, мы найдем в них какой-нибудь толк. Согласны?

Глава, в которой еще один разговор

– Слушай, Лара, а кто он? – Маккинли с Сибирячкой ушли последними. На улице было темно и морозно.

– Студенно, – она зябко поежилась, судорожно поведя плечами, – Да теперь уже, в общем, никто... Когда-то мне казалось, что я его любила. Но все это было очень давно.

– Может, вызовем такси? – предложил Эндрю, – Уже поздно и холодно.

– Нет, – в ее голосе прозвучали умоляющие нотки, – сто лет тут не была. Пойдем пешком? Здесь недалеко.

– Мне показалось, что ты замерзла.

– Не страшно. В самый раз. Давно я так, зимними ночами не гуляла. Пойдем пешком?

– Ладно, пойдем, – Маккинли не возражал, тем более, он собирался с ней поговорить.

– Мы вместе с ним учились в университете, в одной группе, и жили в одном дворе, – продолжила она свой рассказ, – он всегда мне казался человеком не отсюда.

– А он тебя? – американец был удручающе прям.

– Что он меня? – переспросила Лариса.

– Он тебя любил? – не отставал Маккинли.

– Андрюша, тебе никто не говорил, что ты страшный за-

нуда? – вздохнула она, – А он меня не замечал...

– Он не обращал внимания на женщин?! – Маккинли не исключил и такой вариант.

– Ты не только зануда. Ты еще и дурак! – она демонстративно ускорила шаги.

– Не обижайся, – он мигом догнал ее и продолжил, – Знает, у него была другая?

– Была... – после некоторого молчания Сибирячка вздохнула и продолжила, – он всегда был себе на уме. В компании не стремился. Вечно где-то пропадал. На рыбалке, или, если сезон, любил собирать ягоды, грибы. Просто садился на велосипед и на день-два исчезал из города. Был талантливее любого из нас, а учебой не горел. Наши мальчишки боготворили его, остолопы, за то, что он мог сорвать любую лекцию, любой семинар. Просто встать и сказать преподавателю: «Мне кажется, Вы ошибаетесь...» И все. Занятие тонуло в анархии. Каждый занимался, чем хотел, а Миша с преподавателем исписывали километры доски... уже после первого курса они бегали от него, как от чумы...

А еще он сильно и нежно любил свою маму. И для нее кроме Мишеньки никого не существовало на свете. Она растворилась в нем. Помню, бывало, выйдет на улицу, смотрит, не появится ли, если он где-то задерживался. Не могла усидеть дома. Переживала. Ждала...

– А кто она? – Эндрю продолжал оставаться собой.

– Кто она? Мишина Мама? – переспросила Сибирячка

и тут же нервно остановилась, поняв, что Маккинли интересуется не она, – Знаешь, я тебя ненавижу! Ну нельзя же быть таким... таким... – она так и не нашлась, каким таким нельзя быть занудному американцу и снова замолчала.

– Ты же сама сказала, что все это было очень давно.

Пару минут они шли по сияющей зимней аллее, молча. Только звонкий хруст замороженного плотного снега гулко сопровождал их шаги в густой ночной тишине.

– Так. Одна кукла. Ничего особенного. Она училась не с нами. На экономическом. Двумя курсами позже.

– А почему кукла?

– Потому что, ненастоящая. Дура пластмассовая. Без души. И сердца.

Эндрю притормозил и сморщил лицо:

– Пластмассовая...

– Что?

– Да ничего, продолжай.

Еще какое-то время они шли в тишине. Лариса не могла собраться с мыслями.

– Я не знаю, как они познакомились. Он два года носил ее на руках. Забросил учебу. Подрабатывал грузчиком, дворником... Еще кем-то... Однажды, во дворе, я видела, как плачет его мать, умоляя Мишу вернуться в университет. Только, все равно, на парах он появлялся редко и вечно усталый. И все это лишь для того, чтобы лишний раз сводить ее в ресторан или купить ей какую-нибудь ерунду. А она принима-

ла все это, как должное...

На нашем факультете, в лаборатории, работал старый инженер, Левин, вел у нас практикумы. Он относился к Мише, как к сыну, говорил, что такого студента у него еще не было. Казалось, он больше всех переживал за то, что Зобин променял его занятия на такую вот любовь. Я не знаю, что он ему, в конце концов, наговорил, но ему удалось убедить Мишу вернуться к учебе. Тем более, на носу был диплом. Конечно же, Зобину пришлось как-то с ней объясняться, что ему необходимо будет сосредоточиться и окончить-таки, университет. Но она поняла это по-своему...

– Ты говорила, тут близко, – Маккинли замерз. Он беспокойно, с надеждой вглядывался в расплывающуюся темноту аллеи, конца которой не было видно, – Надо было вызвать такси.

– Эх ты! Тепличный мальчик! Из оранжереи! – с легким злорадством подшутила над ним Лариса.

– Ну... я же, в отличии от тебя, не сибиряк.

– Я тоже не сибирячка! Эту нелепую кличку вы сами для меня придумали, конспираторы! Узнать бы: кто и почему? Уж я бы нашла ему псевдоним. Позабористей...

Услышав такое, Маккинли решил не хвастаться, что Сибирячкой, она стала с его легкой руки. Тем более, на вопрос «почему», он и сам бы теперь не ответил.

– В общем, – тут же сменив настроение и глубоко вздохнув, продолжила она, – эта стерва мигом нашла себе другого.

Ездил у нас по району один. Уголовник! Весь из себя такой... на черном мерседесе. Барыга и бандит. Вдвое старше ее. Времена тогда наступили «подходящие». Все так быстро менялось, и ей красивой жизни захотелось... Я не знаю подробностей. Но, город у нас маленький. Миша их где-то встретил вдвоем и не сдержался, дал этому хозяину жизни по морде. Их разняли тогда, говорят, обошлось без драки. Однако, вскоре Зобина в подъезде дома подкараулили и зверски избили какие-то молодчики. Избили так, что сразу пролетел слух – забили насмерть... – Лариса остановилась. Ее лицо горело то ли от мороза, то ли от нахлынувших воспоминаний, – Скорая приехала быстро. Слава Богу, он выжил. Вот только маме его, какие-то доброхоты успели сообщить, что сына ее убили. Говорят, что она только накинула платок, выбежала во двор, прямо под дождь, и тут же осела на лавочке у подъезда. Не выдержало сердце. Умерла на месте...

Маккинли повернулся на дрогнувший голос Ларисы. Она плакала...

– Он вышел из больницы только в начале сентября, когда мы уже давным давно обмыли дипломы. В университет не вернулся. Объясняться и восстанавливаться не стал. Вместо этого, он запил. Запил так, словно хотел умереть. Продавал вещи из дома, покупал водку и шел с ней на кладбище. Знакомые несколько раз находили его там и приводили домой. Говорят, он напивался на ее могиле до беспамяतства. Падал и спал прямо там, на кладбище. Когда я пред-

ставляю себе это, цепенею от жуты. А он пил, пил и пил. Каждый день до потери сознания. И допился до белой горячки. На ноябрьские праздники угодил в психушку. Помню, я даже обрадовалась этому, что он не упадет зимой пьяный на улице и не замерзнет насмерть.

Сколько он там пробыл, не помню. Может с полгода. А когда вышел, продал квартиру и уехал отсюда. Разные слухи ходили. Поговаривали, что он где-то на Дальнем востоке устроился. Рыбу ловит... Что-то в этом роде... Точно не скажу. Хотя, зная Мишу, наверное, так оно и было... Мы пришли, – она протянула руку в сторону калитки из аллеи, за которой, к удивлению Эндрю, стояла их гостиница.

– А дальше? – ему уже не так сильно хотелось в тепло, – Что было дальше?

– Дальше, я уехала в Москву. А потом в Америку. Связалась с вами, будь вы неладны! И потеряла всякую связь с родиной. Все это время я ничего о нем не слышала. В позапрошлом году было двадцатилетие выпуска. Я приехала. Зазвали сокурсники. Тогда-то и узнала, что он уже три года, как вернулся. По протекции друзей, его взяли сначала техником, а через год дали должность инженера-лаборанта в университете, в лаборатории нашего общего друга, Володи Мартыненко, мы учились с ним вместе... Вот и все.

– Откуда ты узнала, чем он занимается? В частности, про генератор?

– Слушай! Не начинай опять! Я это уже семь раз писала

и переписывала! Ничего нового не скажу, возьми и прочитай мои отчеты! А еще лучше, ты мне ответь, какого черта ты к нему прицепился?! Только про генератор мне не пой! Я – не дура! Его финансирование Элдридж никогда не одобрит. И ничего не подпишет. А в благотворители, ребята, вы не годитесь! Тогда зачем?!

– Элдридж мне не указ. Я и без него деньги достану, – было видно, что Эндрю испытывает крайнюю степень волнения, решаясь на что-то важное, – Просто... я скажу, только дай мне слово, что ты это не разболтаешь и... не будешь смеяться?... Дело не в генераторе. Точнее, не только в нем. Он планирует работать над новым проектом, хочет ставить эксперимент. Какой? Я не знаю. Но, после сегодняшнего разговора, мне вдруг стало дико интересно, чем же таким еще он собирается заниматься?!

Глава, ради которой, может быть, все и писалось. Или еще один, долгий и нудный, разговор

– Что ты хочешь этим сказать?! – Владимир Григорьевич Мартыненко еле сдерживался, готовый, казалось, вот-вот взорваться праведным гневом. Испепеляя Зобина взбешенным взглядом, он выскочил из-за стола и решительными, размашистыми шагами начал мерить пространство своего небольшого кабинета, разгорячено маяча за спиной Михаила Дмитриевича.

– Володь, не кипятись, давай поговорим спокойно, – не выдержал и повернулся к нему Зобин. Он сохранял флегматичную выдержку, чем раздражал своего друга и шефа еще больше.

– «Не кипятись»?! – это все, что ты можешь мне сказать? Я убью тебя! Что ты ржешь? Правда, возьму и прибыю сейчас этим вот пресс-папье! Не буду ждать, пока тебя разоблачат американцы. А они выведут тебя на чистую воду! Поймают, вывезут в Америку и посадят в клетку! Надолго! Навсегда! Так вот, я избавлю и тебя и их от этой мороки, а себя от роли клоуна в том цирке, что ты затеял!..

Мартыненко перевел дух и вернулся в кресло. Михаил Дмитриевич прикусил нижнюю губу. Его разбирал смех,

но дальше злить Володю было червато:

– Ну, тогда посадят тебя. Только наши. И тоже надолго.

– Поглядите на него! Он еще смеется! Он шутит! Юморист! За тебя много не дадут! У меня будет смягчающее обстоятельство! Большое смягчающее обстоятельство! Огромное смягчающее обстоятельство! Я спасу родину! От тебя и позора! – Мартыненко еще раз перевел дух и продолжил, – Давай по существу! Если тут есть что по существу... Что ты хотел сказать?! И перестань ржать, а то точно прибыю...

Зобин шумно выдохнул и набрал воздуха:

– Никакого Большого взрыва не было.

– Гениально! Миш, ты что дурак?! Я сижу, читаю вот эту твою ахинею, – он встряхнул пачкой бумаги, заявкой Зобина на проведение эксперимента, – и тут ни слова про Большой взрыв и, вообще, про космологию! Единственное, что я усвоил из этой цидульки – машина водки и дача. Это и есть эксперимент?! Поэтому повторяю свой вопрос: ты дурак?

– Нет.

– Тогда, изволь, объясниться.

– Я пытаюсь. Только когда я начинаю это делать, ты начинаешь орать.

– Хорошо. Я не буду орать. Делай что хочешь. Денег у тебя... куры не клюют!.. Вот болваны-то! Растяпы! Как ты их развел?! Только, знаешь что? Не впутывай больше никого! Заварил кашу – сам и расхлебывай! Без меня, без лаборатории, без факультета, без университета. Сам!

– Володь, без тебя никак. Ты везде вхож. У тебя опыт. У тебя связи. Я надеялся, ты мне поможешь. Мне нужна дача на семенной станции. Врач, желательно из своих и не болтун. Приборы аудио-визуального и медицинского контроля. Еще вопрос с охраной решить. Питание, мебель, белье... И тебя самого я хотел привлечь. Как специалиста. Деньги есть. Надо лишь придать всему импульс. Решить организационные вопросы.

– А водка-то тебе зачем?!

– Там же все написано, – Зобин поглядел на свою заявку.

– Ничего тут не написано. Точнее, из того, что тут написано, непонятно ничего! Поэтому я и прошу... нет, требую объяснений, – Владимир Григорьевич уже выпустил первый пар, хотя от спокойствия был далек.

– Вот, – Зобин достал из рюкзака и положил перед Мартыненко потертый томик дорожной Библии, – только, умоляю, не кипятись, здесь, в Книге Бытие, мне кажется... Нет, я уверен! Здесь, в книге Бытие – описание реального процесса сотворения Мира. По крайней мере, сотворения мира вещественной материи.

Мартыненко понимал, что ему, чтобы сохранить репутацию нормального человека, необходимо снова начать кричать, бурлить негодованием и взывать к здравому смыслу. Но на это его уже не хватило! Миша тот еще фрукт! Понятно, что он что-то придумал, и ему как-то удалось убедить американцев отвалить на это «что-то» кучу денег. Вопрос:

«Как?» Может, действительно, в этом «что-то» что-то есть? Владимир Григорьевич сделал вид, что Зобин его уже порядком достал, но может продолжать... Хотя, свои пять копеек он добавил:

– В начале сотворил Бог небо и землю... – начал он и победоносно выдохнул, – Все! На этом можно, не начиная, заканчивать! Ибо... Ибо, это нонсенс, который противоречит всему, что мы знаем по существу предмета на данный момент.

– Ты не представляешь насколько кстати, ты начало процитировал. И оно ничему, собственно, не противоречит. И я об этом подробно все расскажу. Только чуть позже. Хорошо?

Владимир Григорьевич откинулся в кресле и прикрыл глаза, изобразив навалившуюся усталость, всем своим видом показывая, что негодование его так и не отпускает:

– Хорошо. Дальше.

– Вот. Дальше... даже не знаю с чего начать, – Михаил Дмитриевич смутился, – столько раз представлял себе этот разговор, а теперь мысли разбежались. Растерялся.

– Давай уж. Начни хоть с чего-нибудь. А то довел человека до истерики, а теперь сказать ему нечего.

– Ладно. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою... – продолжил он, начатое Мартыненко повествование, – То есть, безвидна и пуста? А вода уже была? – Зобин никак не мог войти в ритм, мучительно подбирая слова, – И еще один момент. Вначале

Творец создает небо и землю. А потом, на второй день, создает твердь, называя ее небом, и на третий отделяет сушу от воды, называя ее землей. Что же за небо и землю он сотворил тогда в начале?

– Миша, это повествование лишено реального физического... космологического смысла. Не о чем говорить...

– Я пока не об этом. Тебе не кажется, что по тексту Творец дважды создал небо и землю?

– Не кажется. Я не вижу проблемы с точки зрения повествования, в котором сначала декларируется, что он их сотворил, а потом описывается это. Те же небо и земля, – Мартыненко недовольно поморщился.

– Понятно... То есть, ты считаешь, что это стиль повествования – декларация события и дальнейшее его описание?

– Да. И что?!

– Пока ничего. Давай вернемся к воде. Так была ли вода? И вода ли это была?

– Там же написано «над водою», – Владимир Григорьевич испытывал то ли нетерпение, то ли разочарование.

– Понимаешь, я думаю... точнее теперь я уверен, что вначале в тексте Бытия вместо «воды» были «волны»... Но время донесло до нас воду. Почему? Ошибка перевода? Упрощение понимания? Умысел, или, может быть, другая причина? Не важно. История превратила волны в близкую по смыслу, но неверную по замыслу воду. Я утверждаю, изначально, если так можно выразиться, в первоисточнике,

Дух Божий носился над волнами.

– И что? Принципиально это ничего не меняет. Если вначале ничего нет – значит ничего нет! А если ничего нет, какие могут быть волны?

– Электромагнитные... Они – суть, причина и связь всего сущего в этом мире.

Зобин замолчал. Было слышно, как в роскошных напольных часах многосложно тикает старинный механизм. Молчание затянулось.

– И что? Не надо тут паузу держать до последнего! Ты не на сцене! Или ты зависишь? – Мартыненко щелкнул пальцами перед носом Михаила Дмитриевича.

– Представь себе, что пространство существовало, существует и будет существовать всегда. Нематериальная, непрерывная, равномерная, линейная пустота и бесконечность. Аксиоматическая. И в этой пустоте электромагнитные волны...

– Что значит, пространство – равномерная и бесконечная пустота, существовавшая всегда? Что значит, всегда? А как же время? Ты против теории относительности? – Владимир Григорьевич изобразил недовольную, критическую гримасу, – А как же пространственно-временной континуум? Расширение пространства, доказанное экспериментально?

– Я не против здравого смысла... – Зобин сокрушенно вздохнул, – Я, например, не сомневаюсь в том, что ско-

рость электромагнитных волн – максимально достижимая скорость во Вселенной, а энергия, бесспорно, эквивалентна массе. И пусть реальное соотношение не такое, как у Эйнштейна, но тем не менее. А вот теория пространства-времени – отвлеченная от реальности модель... лукавая математика... и не более. Ну, а красное смещение Хаббла, якобы подтверждающее расширение пространства, я могу наблюдать в любой луже, если брошу в нее камень... Может, я продолжу?

У Мартыненко возникло непреодолимое желание прицепиться к словам Зобина о луже Хаббла, но он пересилил себя и ринулся защищать святое:

– А как же общая теория относительности? Ты серьезно считаешь, что пространственно-временной континуум – лишь лукавая математика?

– Дался тебе этот континуум... Или, по-твоему, эта теория имеет хоть что-то общее с реальностью?

– Не по-моему... Не по-моему. Единые свойства пространства-времени общепризнанны! И отрицать это – идти против всех – по меньшей мере, глупо. Пространственные измерения и время равноправны и взаимозаменяемы в расчетах. И это доказано экспериментально!

– Экспериментально? Тогда, поставим эксперимент? – Михаил Дмитриевич встал и двинул каменное прес-папье на середину стола, – Я перемещаю объект в пространстве и возвращаю его обратно. В точку отправления. В Евкли-

довом пространстве это не представляет проблем. Потому что измерения, как ты определил, действительно равноправны и взаимозаменяемы. А теперь попробуй сделать то же самое в пространстве Минковского, – он протянул пресс-папье Мартыненко.

– Миш, кончай, а? – Владимир Григорьевич не любил, когда Зобин выставлял его дураком, – Не до экспериментов сейчас. До путешествий во времени мы еще не доросли.

– И не дорастем, – сказал, как отрезал, Зобин – Может, тогда я продолжу?

– Валяй, – обреченно махнул рукой Мартыненко.

– Итак. Дооптические электромагнитные волны в абсолютной пустоте. Откуда они взялись? Это отдельный разговор. Надеюсь, мы до него еще доберемся.

И вот, в какой-то момент частота этих волн начала расти...

Для понимания, гипотетически представь себе, скажем так, идеальный генератор электромагнитного излучения.

– Что значит, идеальный генератор?

– Генератор электромагнитных волн, с бесконечными мощностью и частотой. С эффективным излучающим источником, антенной, температура которой остается неизменной и низкой во всем диапазоне мощности и частоты.

– Хорошо, только я не понимаю, зачем? Такой прибор в принципе не возможен.

– Я же говорю, представь. Чисто гипотетически. Я ему уже

название придумал, а ты даже пофантазировать ленишься, – Зобин хитро прищурился.

– Название? Любопытно! – Владимир Григорьевич почувствовал, что продолжение обещает быть веселым.

– Да. Я назвал бы его «Михаил», – было видно, что он давно подготовил себя к возможной реакции.

– Миша! – захохотал Мартыненко, – Ну ты даешь! Не ожидал, что ты?!... Ох... И от скромности не умрешь!

– Что в переводе означает «Кто как Бог», и это – простое совпадение, не более, – Зобин взглянул на Владимира Григорьевича так, что тому стало неловко.

– Обещаю, больше не смеяться, – еще раз прыснул в кулак Мартыненко, – давай дальше, продолжай.

– Так вот. Представь себе, что этот генератор работает в вакууме, на достаточно низкой частоте, и его излучение ничего не меняет: волны, которые он излучает, остаются волнами, а вакуум остается вакуумом. Далее мы плавно повышаем частоту этого генератора и достигаем оптического диапазона. У меня возникает вопрос. Что произойдет? Начнет ли антенна излучать свет? Если, повторюсь, ее температура, по определению, не повысилась ни на йоту и тепловым источником света она не является?

– Ну-у...

– Можно я отвечу за тебя? – Зобин не спрашивал, пустая формальность, – Начнет! Антенна начнет излучать свет, испускать фотоны, частицы. А что произойдет, если продол-

жать повышать частоту этого генератора?

– До какого значения? – Мартыненко посетил ощущение нервозности.

– А это не имеет значения.

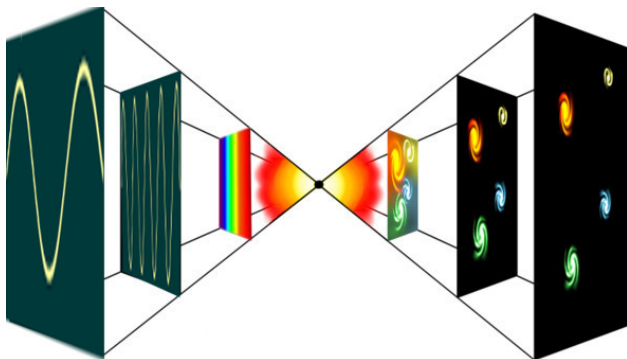
– Как это не имеет? – Владимир Григорьевич скептически покачал головой, – Рентгеновское? Гамма-излучение?...

– Не имеет значения. Если продолжить повышать частоту такого генератора до бесконечности?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Володь, мне кажется, ты понял, что я хочу этим сказать, – укоризненно прищурился Зобин, – С какого-то момента волновое излучение начнет проявлять корпускулярные свойства. И мы вслед за излучением фотонов, получим излучение электронов, нуклонов... И вообще, весь спектр элементарных частиц. Генератор начнет излучать частицы. Вакуум наполнится веществом.

– Философский камень какой-то... – задумчиво промычал Мартыненко и тут же оживился, – Ладно, предположим, я понял, что ты хочешь сказать, хотя, ты меня удивляешь. Антагонист квантовой теории о корпускулярно-волновом дуализме заговорил!

– А нет никакого дуализма, – пропустил Михаил Дмитриевич мимо ушей колкость Владимира Григорьевича, – Ибо, частица по сути своей – он на мгновение задумался, подбирая сравнение, – и есть волна, и только волна, точнее, если говорить образно, первый круг этой волны на воде... И природа у нее не двойственная, а единственная – волновая. И вся, так называемая, вещественная материя во Вселенной имеет эту волновую природу, и возникла из реликтового электромагнитного излучения, в результате повышения его частоты. Все элементарные частицы, из которых состоит вещественная материя, – это пространственные энергетические локализации электромагнитных волн на определенных сверхвысоких частотах. Любая элементарная частица, после возникновения, продолжает оставаться электромагнитной волной, сохраняет все свойства этой волны, сама, в свою очередь, оставаясь источником излучения. Реликтовое космическое фоновое излучение – это первичное состо-

ание материи во Вселенной. А работа этого генератора, как мы ее представили гипотетически, – упрощенная схема сотворения мира, – Зобин замолчал и начал рыться в карманах, – Я курить очень хочу. Можно я тут, у тебя?

– Кури, только в форточку, – Мартыненко не курил сам и никому не позволял этого в своем кабинете, – И что потвоему, кхм... – хмыкнул он в нерешительности, – они из себя представляют? Можешь описать их строение?

– Частиц?... Ну... Я уже говорил... Это, как первый круг на воде. Долгоживущий круг, в беспрепятственной среде. Такая объемная энергетическая баранка. Устойчивость в пространстве которой, придает вращение, а оно, в свою очередь, является причиной собственного излучения, о чем я упомянул выше. Такое новообразование получается при достаточной мощности электромагнитного излучения определенной частоты. Для каждой частицы – своей... Естественно, это строение касается лишь тех частиц, что обладают массой.

– Естественно?! Обладают массой?! – Мартыненко мученически скривился, – Может, ты тогда ответишь на простой вопрос, что такое масса?! Только предупреждаю, меня не интересуют всякие математические выкрутасы с выражением величины массы через что-то еще. Суть массы, ее природа?.. Что такое масса!?

– Я же уже говорил, – Зобин неподдельно опешил.

– Ничего ты не говорил! А если и говорил, то я еще ниче-

го не понял! – Мартыненко опять не на шутку разозлился. И как тут не злиться, если разговор, практически, так бесславно закончен.

– Теряешь хватку, Володя... Я только что сказал, что устойчивость таким образованиям придает вращение. Ну... вращается эта баранка, понимаешь? Такой энергетический гироскоп. Естественно, как любой гироскоп, он оказывает сопротивление изменению своего положения в пространстве. Это свойство и есть то, что мы называем инертность, или масса. Соответственно, масса частицы – это величина гироскопического сопротивления изменению положения вращающейся энергетической области частицы в пространстве. Извини, я думал, ты понял...

– Гироскопического сопротивления? Что ты имеешь ввиду? Момент инерции? – как бы невзначай переспросил Мартыненко

– Я так и знал, – горько усмехнулся Зобин, – Пойми, Володя, дьявол в деталях. Что ты от меня хочешь? Чтобы я согласился с тем, что вначале было яйцо, а курицы, которая его снесла не существовало в природе? Тебе кажется, ты нашел противоречие в объяснении? В чем же оно? Конечно, я сознательно пользуюсь собственным определением, избегая общепринятого, в котором масса присутствует, как причина устойчивости, но это не значит, что я не прав.

Если хочешь, да – это тоже момент инерции. Момент инерции объекта, изначально не содержащего материальных

точек, обладающих массой. Момент инерции энергетического волчка.

Все это легче понять, если не упускать из виду тот факт, что любое механическое взаимодействие, в конечном счете – это взаимодействие электромагнитных полей. Представь себе такой электромагнитный гироскоп. Вращение чистой энергии. Представил? Ну, а если представил его, еще легче получится представить то, что потребуется приложить силы при воздействии на него внешним магнитным полем, в попытке изменить его положение в пространстве. То есть, он будет вести себя, как объект, обладающий массой...

Михаил Дмитриевич замолчал. Мартыненко, стараясь не смотреть ему в глаза, уставился в смартфон. Пауза неприлично затянулась:

– Хорошо, предположим. Это инертность. Но, что такое гравитация ты не ответил?

– А ты и не спрашивал... В смысле, это другой вопрос. Ты его не задавал.

– Как это не задавал? По-моему, он напрашивается сам собой. Гравитация присуща всем объектам, обладающим массой, так?

– Так, – по лицу Зобина скользнула улыбка добродушного палача. Владимир Григорьевич не раз видел ее перед тем, как Миша собирался «разобрать оппонента».

– Ну? И?! – психанул Мартыненко. Не смотря ни на что, он решил тему «не отпускать».

– Ну, и гравитация, как и масса – это одно из свойств вращающейся энергетической области частицы, ибо, вращаясь, она излучает электромагнитные волны. И волны эти – причина всемирного тяготения.

Это поразительная история! Еще в семнадцатом веке умница Роберт Гук экспериментально обнаружил, что тело, плавающее в воде на волнах определенной частоты, стремится к источнику этих волн. Потом, уже в начале двадцатого века, Петр Николаевич Лебедев проводил похожие опыты со звуковыми и электромагнитными колебаниями. Им экспериментально было доказано, что для любых сред и волн, резонатор притягивается к источнику волн, и никто не обратил на это внимания, не сделал выводов. Хотя, это притяжение – суть всех взаимодействий в нашем мире. Точнее, единственное взаимодействие.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что я, повторяюсь, отчасти уже говорил. Вся вещественная материя имеет электромагнитную природу. И есть только одно фундаментальное взаимодействие. Электромагнитное. Сильное, слабое и гравитационное взаимодействия по сути своей – электромагнитные.

– И гравитационное?

– И гравитационное. Излучаемые элементарными частицами волны – причина гравитации. Как в опытах Гука и Лебедева. Частицы – это и излучатели волн, и резонаторы. И на них действует взаимное притяжение, толкающее их

друг к другу. Откуда это притяжение берется в однородной волновой среде? Это уже другой вопрос. К механике волновых процессов.

А еще эти частицы из-за вращения, имеют пространственную гироскопическую устойчивость – инертность. Или массу. И мы, в силу неразрывности этих свойств частицы, приписываем одному из них характеристики другого.

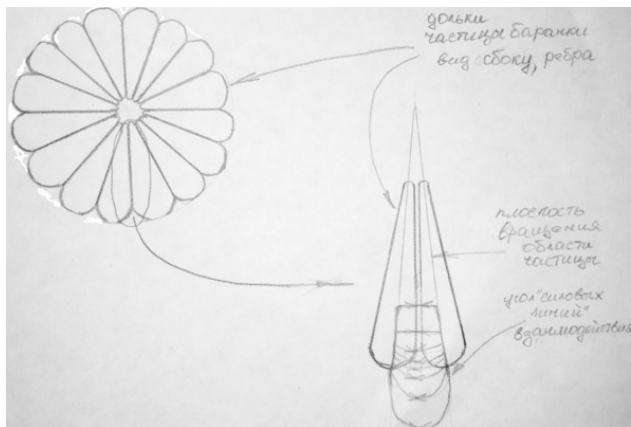
В общем, подводя итог, каждое из известных взаимодействий по природе своей – электромагнитное. Любое взаимодействие представляет собой волновое притяжение (или отталкивание) элементарных частиц, являющихся одновременно и источниками, и резонаторами электромагнитных волн сверхвысокой частоты. Каждое взаимодействие происходит в своем диапазоне, имеет непрерывный характер и не передается частицами переносчиками взаимодействий, а обеспечивается процессами волновой механики! Более того, с уверенностью могу сказать, что гравитация – это не отдельный вид, а, если так можно выразиться, «остатки сильного и слабого взаимодействий».

Отрешенный, казалось, до этого Мартыненко изменился в лице:

– Стоп! Это что-то новенькое... Ну-ка, поясни.

– Вот, смотри... – Зобин взял бумагу и карандаш, – в свете того, что я уже успел рассказать, это становится очевидным. Представим несколько частиц, как я и предлагал, в виде объемных энергетических баранок. Во взаимодействии

они притягиваются друг к другу, образуя замкнутые цепочки. Ядра атомов, например... Как-то, так... – он нарисовал на листе незатейливую картинку, – Такой вот апельсин получился... Основное взаимодействие между двумя соседними частицами в такой замкнутой цепочке, сильное оно или слабое, будет направлено вот так, – он продублировал справа увеличенную часть рисунка, – перпендикулярно плоскости окружности вращения энергии частицы. Ну... подобно силе Ампера для двух рамок с током. Но поскольку баранки эти имеют некий объем, толщину, часть взаимодействия между ними распространяется под достаточно острыми углами «распыляясь», если так можно выразиться, в пространство. Эта часть излучения и является причиной всемирного тяготения. А по сути – это одно и то же взаимодействие между частицами, ослабленное уменьшением синуса угла к плоскости вращения энергии частицы и расстоянием между объектами.

– Но... Тогда гравитацию можно было бы экранировать. Абсурд.

– Никакого абсурда. Теоретически это возможно. Только нечем. Нет у нас еще таких материалов. И будут ли?... Я же говорю, каждое из взаимодействий происходит в своем диапазоне, на разных частотах. Для примера, сравним гравитацию с силой Ампера, где волны генерируются вращением электронной оболочки атомов. Диаметр орбит вращения электронных оболочек намного больше диаметра вращения энергетической области нуклона. Поэтому длина волн, генерируемых электронной оболочкой, достаточно велика для того, чтобы их можно было экранировать металлом даже небольшой толщины. Для электромагнитных волн, излучаемых нуклонами, любая преграда, из любых существующих материалов будет прозрачна. Например, если мыслен-

но представить длину этих волн равной одному сантиметру, ячейка кристаллической решетки железа пропорционально увеличится до размеров три на три километра. То есть, фактически, это будет пустота, никакой преграды... А если предположить, что материал для экранирования гравитации создать все же удастся, его плотность будет колоссальной! Лист толщиной и размером с эту бумажку, – Михаил Дмитриевич ткнул карандашом в свой рисунок, – из такого материала, будет иметь инертность в тысячи тонн... – он замолчал. Мартыненко не отрывал взгляд от экрана смартфона. Зобин, не дождавшись никакой реакции, продолжил, – Взаимодействие нуклонов в ядре атома, поглощая часть энергии, вызывает замедление вращения. Что в свою очередь вызывает ослабление общего гравитационного потенциала ядра по сравнению с суммой гравитационных потенциалов свободных нуклонов, это ядро составляющих. Это же замедление вращения нуклонов в ядре ослабляет общую устойчивость ядра по сравнению с суммарной устойчивостью нуклонов взятых по отдельности, вызывая уменьшение его суммарной инертности, больше известное как дефект масс... – Зобин остановился окончательно и беспомощно уставился на застывшего Мартыненко, – Я что-то упустил?

– Да, – не сразу среагировал тот, – Чем сильное взаимодействие отличается от слабого? Ты не сказал...

– Ну, это совсем просто, – с готовностью отозвался Зобин, – слабое – это, как правило, взаимодействие между

разными частицами. Частота собственного излучения которых, значительно отличается. Кривая резонанса растянута и не так выражена, поэтому абсолютное значение силы притяжения меньше. Что-то еще?

– Самая малость. Гвоздь в крышку гроба твоей теории. Если все взаимодействия одинаковые по сути, почему сильное такое короткодействующее? Даже на малом расстоянии оно уже перестает работать. Почему? Потому что имеет другую природу! – просиял Владимир Григорьевич, – На этом можно поставить точку.

– Запятую, – сдерживая усмешку, сквозь зубы невнятно выдавил из себя Зобин.

– Что? Я не расслышал.

– Запятую, – уже четче повторил Михаил Дмитриевич, – Сильное и слабое взаимодействия действительно короткодействующие. Но не из-за расстояния, а по времени. Представь себе постоянный магнит в виде эластичного цилиндра, сила магнитного взаимодействия которого легко преодолевает упругость материала, из которого он сделан. В свободном состоянии такой магнит мгновенно свернется в баранку, слипшуюся полюсами, замыкая взаимодействие на себя и превращая нуклон или цепочку нуклонов в ядро. А еще лучше представить в виде такого магнита детскую пружинку. Объемные такие, цветные. Не помню, как называются...

Мартыненко вернулся к разговору не сразу:

– Понятно... Теперь понятно, откуда у твоих студентов

убеждение, что «зрение от трения отличается лишь частотой и дальнодействием»... – только спустя некоторое время медленно заговорил он, – Люди веками искали ответ. Коллайдер всем миром строили. Десятки миллиардов долларов на это освоили. Годы и горы исследований. Из бесконечности раскоканых частиц крупницы результатов пытались выудить, но тут пришел Миша Зобин и говорит: «Что?! Обломки протонов разглядываете? Деньги есть – ума не надо? Ну и дураки же вы все!»...

– Зря ты так. Ничего такого я не говорил... Давай, вернемся сюда, – чтобы сгладить возникшую неловкость, Зобин потянулся к Библии, – к Евангелию от Иоанна:

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.» Слова, согласись, как бы это сказать... несколько неожиданные для вступления жизнеописания. Если не предположить, что они тут неспроста. Что это прямая речь самого Иисуса, которую Иоанн донес до нас буквально дословно. Слова завораживающие. Слова, которые он счел главным посылом проповеди Спасителя о Божественном Начале этого мира. Слова, с которых и он начал свое Евангелие, – Зобин прервался, достал вторую сигарету и буквально залез на подоконник. Было видно, как сильно волнуется он в этот момент, – Почему я обращаю внимание на начало этого Евангелия? Потому что в нем, как и в начале книги Бытие, говорится о сотворении

мира. И полностью ему соответствует.

– Соответствует? Чем же? По-моему, ничего общего.

– Слово! В начале было слово. Без которого «ничто не начало быть, что начало быть». Что представляло из себя это слово и как прозвучало оно в абсолютной пустоте? Ответ очевиден. Те самые электромагнитные волны, над которыми носился Дух Божий. Волны, частота которых возросла до творения – это и есть Слово Бога. Волны – его среда и носитель. Подобно тому, как до телевизора, волны доносят информацию и рождают в нем образы, этой информацией определенные, как программой. Только божественная программа куда сложнее. И образы она реализует не на экране, а в реальном вещественном мире. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.» Частота этих волн повысилась до оптической, и пустота наполнилась светом! Частота волн продолжила расти дальше, и мир наполнился частицами вещества. Произошло творение. Если предположить, что эта программа, это Слово, куда многосложнее банального повышения частоты, и в каждом определенном месте пространства оно создавало определенную и необходимую в этом месте частицу, из предусмотренного сочетания которых и возник наш мир, то есть, организовано и продуманно, становится понятно, почему это Слово было Бог.

– Можно вопрос? А как все это выглядит не с точки зрения всей этой божественной мишуры, а... космологии?

– Не было никакого большого взрыва. Вначале простран-

ство относительно равномерно было заполнено реликтовым, сравнительно длинноволновым электромагнитным излучением, частота которого повсеместно повысилась, и пространство, так же повсеместно, заполнилось светом, а далее вещественной материей, – Зобин достал третью сигарету.

– Миш, слушай, не борзей, – Мартыненко замахал вокруг себя рукой, разгоняя воображаемый дым.

– И произойти это могло... Когда угодно.

– Что значит: «Когда угодно»?

– Я вполне допускаю, что этому миру семь тысяч лет и сотворен он был за шесть дней, – Михаил Дмитриевич пропустил мимо ушей слова шефа и закурил.

– Не заговаривайся! А как же кости, которым сотни миллионов лет? Радиоуглеродный анализ? Галактики в миллиардах световых лет отсюда?

– А ровно так, как сказал. Весь этот мир, со всеми костями, галактиками и светом, долетающим до нас из этих галактик, и прочими фактами-артефактами, мог быть создан сразу и повсеместно семь тысяч лет назад, за шесть дней, как есть, будь на то Слово, то есть соответствующая программа, повысившая частоты реликтовых электромагнитных волн до превращения их в свет и вещество, и предусмотревшая состояние и положение этого света и вещества в пространстве. Вот так. Хотя... Я на этом не настаиваю. Просто гипотетически такое вполне допустимо.

– Мда, родной... Ну и каша у тебя в голове, – промычал

Мартыненко, – Ну, допустим! Но водка-то тебе зачем?!

– Понимаешь, – погрустнел Михаил Дмитриевич, – меня сейчас интересуют даже не те частоты, на которых был сотворен наш мир. А выше. Гораздо выше. Но, никаких способов экспериментального наблюдения за волнами такой частоты мы не имеем. Не доросли еще. Регистрация элементарных частиц наш предел. Ни формы, ни амплитуды, ни частоты волны, испустившей частицу, мы получить не в состоянии.

– Еще выше?! А зачем тебе это? Ты и так уже тут нагородил... Ого-го!

– Да... Пришло время вернуться к началу нашего разговора, к тому моменту, когда ты вспомнил первый стих книги Бытие, – он снова открыл книгу, – Цитирую:

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй...»

– И что? – Владимир Григорьевич на глазах терял интерес к этой части разговора, – не тяни.

– На, перечитай, – Зобин протянул ему Библию, – Здесь по дням перечисляется, что и когда создал Бог. В начале, в первый день, Бог сотворил небо и землю. А на второй день, на безвидной земле, посреди воды, он сотворил твердь, которую назвал небом. Тебе не кажется это противоречивым?

– Миш, я же просил – не тяни, говори уже, что ты хочешь сказать? Я тебя не понимаю! – Владимир Григорьевич отклонил книгу.

– Я хочу сказать, что привычное небо над нами Бог сотворил на второй день... А в начале, где «сотворил Бог небо и землю», говорится о том, что Бог создал два мира. Небо и Землю. Наш, привычный нам, осязаемый нами, мир вещественной материи, названный там Землей. И другой мир, небесный, недоступный нам в понимании и восприятии. Названный там Небом.

– Миша, тебя понесло. Ты из инженеров в мистики подался, – Мартыненко снова стало весело, – о восприятии нематериальных миров заговорил.

– Я уверен, – Зобин добавил голосу твердости, – этот небесный мир куда более материален, чем наш. Он такой же реальный, как мы с тобой, и существует вместе с нами в одном времени и пространстве. Он тоже состоит из элементарных частиц. Частиц, которые по природе своей, как и частицы, составляющие наш мир, являются электромагнитными волнами, только гораздо большей частоты. А объекты, состоящие из этих частиц, обладают одним очевидным свойством.

Для нас они прозрачны в любом взаимодействии.

– Тупик. Приехали, – Мартыненко подошел к окну и расстворил его, впустить свежего воздуха, – У меня есть два вопроса. Первый, откуда они, эти частицы, взялись? И второй, что значит прозрачны во взаимодействии?

– Откуда они взялись? Это очевидно. Повышение частоты реликтового излучения продолжилось дальше. Оно и создало эти частицы. И частицы эти не взаимодействуют с нашими нуклонами. Частота их собственного излучения намного выше. Не резонируют они... – Зобин ненадолго задумался, – Вообще, они никак, точнее почти никак, не взаимодействуют с нашим миром. Вот, я провожу рукой, а тут в небесном мире может стоять непреодолимая стена, но я ее не вижу и не чувствую. Для меня она прозрачна в любом из, привычных нам, волновых электромагнитных взаимодействий из-за разницы в частоте.

– Как стена из нейтрино... – задумчиво ляпнул Мартыненко.

– Нейтрино? – переспросил Зобин, – Ну, если только привести их в качестве примера, для понимания проникающих свойств. По моим представлениям, эти частицы намного мельче и инертнее нейтрино и, в отличии от нейтрино, у них есть быстрые и сильные связи между собой, которые приводят к созданию устойчивых вещественных форм. Можно предположить, что стабильность небесного вещества, достигается теми же механизмами, что и в нашей вещественной

материи. То есть, возможно, существует еще один «волшебный» набор частиц, подобный связке «протон-нейтрон-электрон». Хотя... именно на таком устройстве я не настаиваю. Но из-за того, что размеры этих базовых частиц значительно меньше, их собственная частота излучения намного выше. Из-за разницы в частоте с нашими частицами, нет взаимодействия.

– Меньше нейтрино? Насколько? – Мартыненко, на самом деле, было все равно.

– Не знаю... – Зобин на мгновение остановился, и продолжил, – но, из-за того, что они созданы тем же излучением, энергия этих частиц должна быть сравнима с энергией частиц из нашего мира. Что, при гораздо меньших размерах, должно было значительно увеличить плотность строения вещества. И стать причиной огромной инертности таких объектов. Тем не менее, у них, насколько массивными бы они не были, в земных условиях, например, не будет гравитации.

Ты знаешь, когда-то давно, я читал фантастический рассказ о разумной форме жизни радиоволн. Субъекты этой цивилизации обладали развитым интеллектом, но им не дано было понять, что такое масса! Почему? Потому что, это свойство материи, эта характеристика жизни, были им недоступны. И я тут, как тот «субъект жизни радиоволн», которому недоступны характеристики того, небесного мира. Я вполне допускаю, что там, как бы это сказать, более полная физика. Неведомые нам, характеристики. Нам, здесь, не то

что сложно – невозможно судить о них.

– Допустим, я понял, что ты хочешь сказать. Допустим, – Владимир Григорьевич, казалось, наконец-то увлекся этой частью разговора, – Но ты же технарь, Миша! «Теория без практики мертва!» Согласись?! Когда ты говоришь, что некие материальные объекты появляются в результате электромагнитного излучения, и у них нет, к примеру, гравитации, что это? Только умозаключение?

– В основном да, ты же должен понимать, насколько эфемерна эта тема... Но, не только. Могу привести пару примеров наблюдений, как бы подтверждающих, как первое, так и второе.

– Наблюдений?! Ну-ка, ну-ка? Это уже интересно.

Зобин снова остановился, не мигая, глядя в одну точку, но длилось это недолго:

– Во-первых – это всем известная шаровая молния. Хаотичная переходная форма объекта вещественной материи, состоящая из обоих типов разнородного вещества – нашего и небесного миров. (Разреши, для удобства я продолжу пользоваться термином «небесный»?) Так вот, шаровая молния – это продукт всплеска широкого спектра сверхвысокочастотных электромагнитных гармоник, сопровождающих грозовой разряд. Этот широкий спектр и объясняет, почему в одном объекте присутствуют оба типа вещества. В общем, обычная молния, сопровождаемая мощным электромагнитным импульсом, порождает сгусток разнородной ве-

щественной материи, – молнию шаровую. Она живет недолго, потому что разнородные частицы, из которых она состоит, образуют, в конце концов, устойчивые связи с себе подобными, выделяя, при этом, большое количество энергии. Но, весь свой короткий век она практически не имеет гравитации. Судя по всему, небесное вещество компенсирует гравитацию вещества земного. Хотя есть исторические сведения наблюдателей этого явления: шаровая молния может обладать гигантской инертностью.

– Да? – удивился Мартыненко.

– Да-да, – Зобин многозначительно кивнул на смартфон шефа, – можешь найти и почитать. А вообще, вот тема для эксперимента. Точнее для наблюдения и изучения.

– Шаровая молния?

– Ага. Спектрометром бы ее поймать. Жаль, что вероятность такого события такая же, как выигрыш в лотерею.

– Что же ты собираешься там увидеть? – Владимир Григорьевич с ухмылкой потер ладони, – сам же говорил: это вещество прозрачно во взаимодействии. Значит и спектрометром его не определишь!

– Конечно, – передразнивая друга, радостно потер ладошки Михаил Дмитриевич, – Только я в этих спектрах с удовольствием и на наши элементы бы посмотрел! Ожидая, что увидел бы много чего необычного. Неожиданного для ионизированного газа, – Зобин сочувственно посмотрел на друга и продолжил уже серьезнее, – Если я прав – а я прав! –

вещество в этот момент должно находиться в состоянии хаотических связей. Поэтому спектр обещает быть весьма насыщенный. Металлы, неметаллы... Да, что угодно...

– А во-вторых? – неожиданно оборвал его на полуслове Мартыненко.

– Что во-вторых? – не понял его, увлеченный своей мыслью, Михаил Дмитриевич.

– Ты говорил, что можешь привести два примера наблюдений. Во-первых – шаровая молния. А во-вторых?

– А... ну да, – не сразу перестроился Зобин, – Во-вторых, неопознанные летающие объекты в форме огненных шаров. Признанный факт, что чаще всего они появляются в зонах повышенной геомагнитной активности. Судя по всему, в таких местах возникают мощные электромагнитные аномалии сверхвысокой частоты. Они-то и создают эти объекты. Как видишь, природа их весьма схожа с природой шаровых молний, но живут они дольше. Гораздо дольше. А их поведение и траектории полетов указывают на отсутствие гравитации.

– Ты говорил, – снова оживился Мартыненко, – что частицы из этих двух миров не взаимодействуют...

– Почти не взаимодействуют.

– Если они не взаимодействуют, почему они хоть какое-то, пусть даже очень непродолжительное время, живут в рамках одного объекта? Что сдерживает шаровую молнию в одном объеме?

– Хороший вопрос. Но ответ опять же на поверхности. Ес-

ли мы соглашаемся, что первоначально набор частиц в таком объекте представляет собой случайность и хаос, то обязаны предположить существование в нем частиц промежуточного характера. То есть, средних по размеру между нашими нуклонами и частицами небесного мира. Они могут, судя по всему, осуществлять слабое взаимодействие и с теми, и с другими, связывая их между собой и сохраняя какое-то время устойчивость разнородных объектов. Но сильное взаимодействие делает свое дело. Нуклоны собираются в ядра и атомы. Примерно также «группируются» и небесные частицы, разрывая случайные связи слабого взаимодействия с промежуточными частицами, вызывая их аннигиляцию и выделение энергии.

Зобин замолчал. Мартыненко не задавал новых вопросов.

– Ладно. Я схожу на улицу. Покурю.

– Кури тут, – Владимир Григорьевич встал из-за стола и включил кофемашину, – Ты знаешь, у меня был план на этот разговор, я собирался отругать тебя и выгнать.

– Выгоняй.

– Выгоню... Дослушаю весь этот твой бред до конца... и выгоню.

– Володя, знаешь, звезды тоже имеют похожую природу.

– У звезд есть гравитация. И она огромна, – Мартыненко заварил чашку кофе и протянул Зобину.

– Тем не менее. Мы недооцениваем состав и количество вещества в их недрах. Источником звездной энергии может

являться такое же взаимодействие разнородных форм вещественной материи. Если принимать во внимание, что сами звезды, как и шаровые молнии, появились на свет в результате широкополосной электромагнитной вспышки.

– Ну и нагородил ты, Миша. Не разгребешь... – Владимир Григорьевич сделал вторую чашку кофе для себя и вернулся за стол, – Значит, ты, я и все вокруг нас – это ни что иное, как одна из форм электромагнитного излучения?

– Множества излучений... Ядро в атоме, в современном представлении – это малая крупинка вещества в огромном пустом пространстве. И любое тело, каким бы плотным оно не казалось, – это почти пустота. Мне досталась незавидная доля: лишит человечество даже этого «почти». Ничего такого вещественного, в том понимании, которое в него вкладывают люди, в этом мире нет. Мы – пустота и живем в пустоте. В царстве чистой энергии.

– Множество излучений... Матрица отдыхает... – Мартыненко задумчиво придвинул к себе заявку Зобина, – В третий раз спрошу – только попробуй, не ответь! – А водка-то тебе зачем?

– Это самая сложная часть разговора, – Михаил Дмитриевич насупился, – Пить... Участники эксперимента будут ее пить.

– Неожиданно... А зачем?

– Вот это, – Зобин положил на стол три медицинские карты, – экспериментальная группа. Братья Сидоркины и Юдин.

С близнецами мне очень повезло, у них карточки, – он постучал пальцем по медицинским картам, – как под копирку. А Гена, – он взял в руки карту Юдина, – единственный из всех рассмотренных кандидатов, кто максимально близко совпадает с ними по медицинским параметрам. Вот и получилось – три члена группы.

– То-то ты у Шурочки в поликлинике отирался, кандидатов подбирал... – Мартыненко недобро прищурился, – Остается только выяснить, зачем?!

– Цель эксперимента – группу испытуемых, с максимально близкими параметрами физического и психического состояния здоровья, используя одинаковую дозировку алкоголя, идентичные условия питания и режима, довести до состояния одновременного и коллективного delirium tremens.

– До массовой белой горячки? Миша, ты не дурак! Ты хуже... – прошипел Мартыненко.

– Послезавтра они получают дипломы. Взрослые люди. Я подготовил контракты. Это реальная возможность для них хорошо заработать, и на реабилитацию мною предусмотрено все в полном объеме. А близнецы – сироты. Ты видел, какой гадюшник им город в рабочей слободке выделил?! Стыд, да и только. Разве это жилье? Хоть на квартиру себе заработают!

– А можно нескромный вопрос? – Мартыненко, казалось, не верил в реальность происходящего, – Зачем доводить трех человек до состояния белой горячки? Зачем?!

– Если бы была возможность, то их было бы больше, – Михаил Дмитриевич вжал голову в плечи, – Больше не подобрал.

– Я спрашивал, зачем?! – Владимир Григорьевич снова сорвался на крик, – Ты подумал об их здоровье, об этической стороне вопроса?! Что с ними будет дальше?!

– Подумал. А миссию на Марс запускать этично? Или смерть от солнечной радиации этичнее цирроза печени? Я долго думал над этим, и ответственности с себя не снимаю... – Зобин воспрял, – А зачем это нужно? Это главный вопрос всего нашего сегодняшнего разговора. Для меня это единственная возможность доказать правильность моей теории.

– Черт тебя побери, Миша! Как?! – негодовал Мартыненко, – Как таким еретическим способом можно хоть что-то доказать?!

В разговоре возникло гнетущее напряжение. Тяжелый взгляд шефа остановился на Зобине. Тот потупил глаза, собираясь с мыслями, долго не решаясь продолжить разговор...

– Помнишь, двадцать два года назад я попал в психиатрическую больницу с белой горячкой?

– Помню! И вижу теперь, что тогда тебя вылечили не до конца!

– Перестань.

– Что «перестань»?

– Соревноваться со мной в остроумии. Я к тебе не за этим пришел. Я их видел... – Зобин болезненно передернул плечами.

– Кого? – Владимир Григорьевич навис над другом, раскачиваясь, как маятник.

– Эти... сущности... – Михаил Дмитриевич очень долго подбирал нужное слово, – из параллельного мира. И они – реальность.

– Понятно. Это называется – чертей! Ну что ж, не ты первый, не ты последний, кто допился до галлюцинаций!

– Нет, Вова – это не галлюцинации. Потом, анализируя подробности и... – Зобину крайне некомфортно давалась эта тема, – детализацию произошедшего, я понял – это реальность, – Михаил Дмитриевич подошел к открытому окну, – Недели через три, после госпитализации, я окончательно оклемался. Лечащим врачом у меня был Петр Иванович Дужников. Похожий на академика Павлова, убеленный сединами, дедушка. Однажды, на обходе, я нечаянно и совсем по другому поводу, ляпнул в его присутствии, что будь у меня возможность еще раз пережить это состояние, я бы с большой долей вероятности успеха, взялся за доказательство реальности этих субъектов. На что он отреагировал очень неожиданно: «Юноша, не стоит геройствовать и впадать в крайности. Доказательства, хоть и косвенные, имеются и без этого...»

Все что угодно! Но услышать такое, да еще в стенах по-

добного заведения, да еще от врача, казалось бы, апологета психиатрической медицины?! Естественно, я поинтересовался, что же это за доказательства? Он улыбнулся, и спросил: «Как Вы думаете, почему девяносто процентов из перенесших зрительные галлюцинации делириум тременс, видели чертей?» И все. Он ушел. А я задумался. Правда, почему? На следующий день я напросился к нему, на прием. Несмотря на разницу в возрасте и положении, неожиданно для меня, мы сдружились. Он, как бы это понятнее объяснить, протянул мне руку. Фактически, я был здоров, но идти было некуда да и не хотелось, и он предложил задержаться. Так я остался в больнице на полгода. Он позволил мне рыться в историях болезней, разговаривать с пациентами. И хотя информация была скудная, выяснилось, что никто из видевших, скажем так, нечистую силу, никогда до этого момента, свои страхи и переживания с чертями не связывал. Даже не думал о них. У всех из них были проблемы. У некоторых – даже беды. И свои представления о кошмарах. Но ни один из этих кошмаров до этого даже отдаленно не был визуально связан с образами канонических демонов. Ни у кого! Откуда же они появились в галлюцинациях белой горячки? Откуда эти черти взялись?

Ну, и совсем шокирующий случай. С разницей где-то в две недели в больницу доставили двух пациентов. Оба попали к нам с белой горячкой. К тому моменту я находился в стационаре больше четырех месяцев и изучение архи-

ва историй болезней практически закончил. Сосредоточился на опросах адекватных пациентов, тех, кто шел на поправку и проявлял коммуникабельность в этом неприятном вопросе. Таких, если честно, было мало. Люди предпочитали помалкивать. Но с этими двумя мне просто повезло. Так вот. С разницей, повторюсь, в две недели, каждый из них, независимо друг от друга, в деталях, в конечном счете, описал мне одного и того же беса, с важной оговоркой. Видели они его уже в больнице, в приемном покое, сразу после того, как их туда доставили. Как одинаковые галлюцинации разных людей могут быть связаны по месту, но разнесены по времени?

И что это такое – галлюцинация?

Почему в отравленном, задыхающемся, умирающем мозгу разных людей возникают одинаковые видения? И видения ли это? Каков их механизм! Откуда такая повторяемость? Может, дело не в подсознании? – Зобин посмотрел на Владимира Григорьевича. Тот отвел взгляд. Разговаривать на эту тему шефу было не комильфо. Михаил Дмитриевич повернулся к нему спиной. Лицом к распахнутому окну. Вдохнул полной грудью, – Не в подсознании, а в восприятии.

– Разве, в данном случае – это не одно и то же? – Мартыненко стало стыдно, что он отвернулся от друга и он решил поддержать разговор.

– Когда я говорил о том, что эти два мира почти не взаимодействуют, под этим «почти» я, отчасти, подразумевал и наше восприятие, – Михаил Дмитриевич повернулся, –

Человеческий мозг сложнейшее образование. Люди наивно полагают, что достаточно изучили его. Но есть в нем много непонятного, я бы даже сказал, темного. Кроме изученных отделов, отвечающих за органы чувств, в мозгу природой предусмотрена, скажем так, функциональная способность, эквивалентная обычному электромагнитному контуру. А может быть это и не в мозгу. Я не знаю. Но, будем считать, что в мозгу. Так вот, в моменты крайней расстройки этого «контура» от эталонной частоты, он начинает улавливать сигналы или низкочастотные гармоники сигналов того, что нам знать не дано. Мы не в состоянии видеть это глазами, но зрительный отдел мозга дублирует эту информацию на сетчатке, так, как будто человек видит это. И это уже не галлюцинация. Это нарушенная селективность восприятия. Воспроизводимые объекты – реальность. Задача, в ходе эксперимента, доказать это.

– Как? – Мартыненко не мог смириться с абсурдностью ситуации, – Как это вообще можно доказать?!

– Необходимо обеспечить максимально одинаковую расстройку нескольких максимально одинаковых «контуров». И если после этого их обладатели, то есть несколько участников экспериментальной группы одновременно увидят одно и то же, что мы должны будем понять из коллективного общения членов группы между собой, а еще лучше с субъектами искомого параллельного мира, и что зафиксируем средствами аудио-визуального контроля – это будет означать, что

перед нами, не галлюцинация, то есть нарушение психической мозговой деятельности отдельного индивидуума, а одна, и однозначно воспринимаемая несколькими наблюдателями, объективная реальность.

– Это будет означать массовую галлюцинацию, – Мартыненко неожиданно успокоился, – А пить по расписанию они будут, чтобы состояние «контуров» расстраивалось максимально синхронизировано?

– Ну, да. Поэтому участники эксперимента подобраны предельно близкими по параметрам. Они должны подойти к моменту... «контакта» в максимально синхронизированном состоянии.

– А зачем ее так много? Я водку имел ввиду.

– Для того, чтобы обеспечить минимальный разброс, доходить до этого состояния придется малыми дозами, долго и постепенно. Избегая банального и быстрого отравления алкоголем. В оборудованном месте. Под присмотром врача. С усиленным питанием. С охраной, подготовленной выполнить функции санитаров. Я тоже подготовился теоретически, но все это надо организовать. Поэтому мне нужна твоя помощь.

– Ну и фантазер же ты, Миша! Твою бы энергию, да в мирное русло, – Владимир Григорьевич похлопал Зобина по плечу, – Только ничего у тебя не выйдет. А если – вдруг! – выйдет, и всей этой компании померещится одно и то же, ничего не доказывает. Начал за здоровье, а кончил... вообще

непонятно чем. Где логика? Как это связано?

– Ты прав. Прямой связи никакой, – Михаил Дмитриевич шумно вздохнул, – Она лишь неявно прослеживается в длинной цепочке моих умозаключений. Только, если я докажу, что этот параллельный мир существует, все, вышеизложенное мною в рамках единой концепции, верно. Я искренне верю в это... Царствие небесное.

– Царствие небесное с чертями? Ты ничего не перепутал?

– Нет. Я говорю не о месте, а о реальности, в которой наличие одних, лишь доказывает присутствие других, – голос Зобина дрогнул. Последовала пауза. Опять стало слышно, как тикают старые напольные часы в кабинете Владимира Григорьевича Мартыненко.

– Ладно. Черт с тобой! Я обещаю подумать. Дай мне три дня. Это... мероприятие настолько сумасшедшее, что я не могу дать ответ сразу.

– Спасибо! – Зобин так бурно и по-детски обрадовался, что Мартыненко пришлось его осадить:

– Тихо, тихо! Я еще не дал согласия, и подумать обещаю только после того, как ты ответишь на пару вопросов.

– Каких? – Михаил Дмитриевич готов был отвечать на любые.

– Во-первых, зачем тебе это нужно? – сосредоточенно прищурился Мартыненко, перелистывая страницы заявки.

– Мне показалось, я объяснил. Понимаешь, концепция лишена постулатов и объясняет в своих рамках проблемы,

поставившие официальную науку в тупик. Ты прав, почва для эксперимента сомнительная, но я руководствовался идеей, что если обнаружится самое спорное и ненадежное звено, это не только подтвердит прочность всей цепи... – стремительно затарахтел Зобин.

– Стоп! – Мартыненко поднял ладонь, – Стоп! Не надо мне объяснять, почему ты собираешься проводить этот... этот... – он так и не решился произнести слово «эксперимент», – это мероприятие. Я все понял! Я прошу объяснить, зачем тебе это нужно? Зачем губить свою репутацию и тратить время и деньги? Уйму времени и прорву денег! На столь сомнительное и бесперспективное мероприятие, если все рациональные зерна, что ты мне тут набросал, можно оформить отдельно и бесплатно! Мероприятие опасное, при любых стечениях обстоятельств! Зачем так рисковать?! Зачем связывать с креационизмом Теорию Всего? Тебя же засмеют! От тебя отвернутся! Зачем приплетать религию в гипотезу, якобы объясняющую наличие и строение темной материи? Зачем пытаться примирить физиков и попов?! Зачем доказывать существование Бога?! – Владимир Григорьевич, на одном дыхании дойдя до апогея своей тирады, вынужденно остановился, глотнул воздуха и продолжил уже спокойнее, – Только на основании одной фразы, якобы записанной евангелистом якобы проповеди Христа? Не слишком ли много допущений, чтобы делать такие глобальные выводы? Ты меня удивляешь.

– Не одной, – Зобин, на удивление, спокойно, даже как-то вяло, среагировал на эскападу шефа, – «Все существа, все создания, все творения пребывают друг в друге и друг с другом; и они снова разрешатся в их собственном корне. Ведь природа материи разрешается в том, что составляет ее единственную природу...»

– «Природа материи разрешается в том, что составляет ее единственную природу»? Что это? Снова цитата? И откуда ты ее взял?

– Это слова Иисуса Христа.

– Что-то я не припомню у него такого изречения! Если бы оно принадлежало ему, такое эффектное выражение просто затаскали бы по углам!

– Тем не менее, – Зобин казался спокоен и внутренне собран, – это слова Иисуса Христа из Евангелия Марии Магдалины. Можешь найти и прочитать.

– И ты полагаешь, что говоря о единственной природе материи, он имел ввиду ее электромагнитную природу? – в голосе Мартыненко прозвучала некрасивая издевка.

– Я полагаю, что многое из того, что он говорил, до нас так и не дошло. И не только потому, что не сохранились рукописи. Многое просто не было понято. Люди, как правило, способны ретранслировать лишь то, что доступно их пониманию.

– Миш, твоя упертость мне не нравится! Давай рассуждать здраво! Первое, что я вижу – это не научный интерес,

а нездоровая одержимость. Откуда она? Поэтому, повторяю свой вопрос: зачем тебе это нужно?

– Володя, не усложняй. Никакой одержимости. Просто... тебе не бывает порою обидно, что сегодня даже история, как наука, стала более приближенной к реальности, чем физика?

– Чего? – Мартыненко от неожиданности выпучил глаза.

– А разве нет? Физики уже давно скачут под дудку математиков. Если бы современные историки руководствовались теми же принципами, продвигая, подтвержденные расчетами модели, в университетах сейчас преподавали бы истории Средиземья и Семи королевств. Чего ты смеешься? Правда, ну чем они плохи? И сколько материала для освоения?! Бесконечность!

– Миш, ты утрируешь! – Мартыненко не мог удержаться от смеха.

– Ты прав, я утрирую. Не поддается утрированию только то, что не дает повод.

– И ты из-за этого...

– Нет. Конечно, нет, – Зобин впервые за весь разговор перебил шефа, – Вот эта книга, – он протянул руку в сторону, лежащей на столе Библии, – она не от мира сего. По крайней мере, ее начало дано нам свыше. Бог есть. Он первопричина всему, создатель и вседержитель. Мир этот осуществлен его промыслом. Не в состоянии его постичь, я лишь хочу добавить к пошатнувшейся человеческой вере капельку знания о том, что он есть. Может кого-то это уберет от непо-

правимого. Кому-то придаст сил. Кого-то наполнит страхом. А кого-то – любовью.

– Страх, любовь. Ты это серьезно?

– Более чем, – Зобин достал из кармана сигаретную пачку, открыл ее – пустая – скомкал и сунул обратно, – Знаешь, мама будила меня по утрам. Положит руку мне на голову и тихо прошепчет: «Пора, сынок, вставай», – и я открываю глаза: из кухни плывет аромат пирожков с яблоками; она гладит меня по голове; луч солнца по диагонали делит комнату надвое; впереди лето, каникулы и целое будущее, полное счастья. Я отдал бы все, и жизнь, не задумываясь, лишь бы завтра проснуться, от прикосновения ее руки, – Зобин замолчал и отвернулся к окну, чтобы Мартыненко не видел его лица. Незачем это было в такой момент.

На этот раз молчание затянулось бы надолго, но часы пробили антикварным боем новый час, вернув Михаила Дмитриевича в реальность:

– А второй?

– Что второй?

– Какой второй вопрос ты собирался мне задать? – Зобин повернулся к Владимиру Григорьевичу.

– Ах, да, – опомнился Мартыненко, – как тебе удалось убедить американца профинансировать это мероприятие? На Бога-то ему – наплевать.

– Я и сам, если честно, не понял, – Михаил Дмитриевич пожал плечами, – Лариса перед встречей все уши мне про-

жужжала: «Улыбайся! Американцы шарахаются от русских, потому что те кажутся им угрюмыми. Улыбайся.» Эта мысль засела у меня в голове. Вот я и улыбался ему весь вечер, как идиот. А вообще, это получилось случайно...

Глава о грозе, и неочевидности происходящего

Владимир Григорьевич энергично ускорял шаги, срываясь иногда на интеллигентный бег. Он торопился. Он спешил изо всех сил. Небо, ровно в зените над ним, было разделено надвое. На две половины – антиподы. Солнечная, бездонная синева за спиной. И нереальная, а в лучах противостоящего солнца – почти карбоновая, с зловещими вплетениями седины, темень грозового коллапса впереди. Оставив, наконец, свои безнадежные попытки хоть как-то ускориться, он шел на грозу почти обреченно, приняв неизбежное. Обидно – идти оставалось недалеко, но он до нашествия дождя домой уже, очевидно, не успевал. Нужно было искать убежище, чтобы переждать стихию, а путь его, как назло, пролегал сейчас мимо бесконечной решетки, огороженной территории бизнес-центра. Впереди показался пыльный вихрь, он еще не донесся сюда, но стремительно приближался, а между ним и первыми каплями – считанные секунды. Мартыненко обреченно натянул на голову пиджак, понимая, что напрасно, и что сухим выбраться из этой переделки все равно не удастся. Мгновение – и шквал хлестнул пылью в глаза, на зубах закрипел песок, а по воздуху полетел всякий мусор. Еще мгновение – и сначала на него упали

отдельные гигантские капли, а следом, словно сорвавшаяся, сплошная лавина дождя накрыла Владимира Григорьевича. Он промок сразу. К счастью, ненавистная ограда заканчивалась, а за ней в первом же здании по правую руку маячила спасительная дверь какого-то заведения...

То ли кафе, то ли бар – небольшой зал с микро-столиками, зеркальная стена с напитками, а перед ней – стильная, элегантная стойка, за которой расторопный, круглолицый парнишка подобострастно расплылся в широкой улыбке единственному клиенту:

– Здравствуйте! Что будем заказывать?

– Ничего, – Мартыненко отвернулся от него к стеклянной двери, всем своим видом показывая, что он тут – лишь жертва обстоятельств. Нельзя же этим так бесцеремонно пользоваться! А за стеклом лило, как из ведра. По тротуару, с завихрением около канализационной решетки, забушевал миниатюрный поток. Промокшие насквозь пиджак и рубашка раздражали дискомфортом. «Что я на самом деле?!» – разозлился на себя Владимир Григорьевич и повернулся к приветливому бармену:

– Коньяк есть?

– Конечно! Вы бы сняли пиджак, быстрее обсохнете, – парень поставил перед собой мерную мензурку и коньячный бокал, – Сколько налить? – замедлился он на секунду, улыбаясь, как искуситель, – Коньяк у нас отменный. Хозяин мой – знаток и ценитель. Сам его пьет, – потянулся он к полке,

на которой стояли откупоренные бутылки с алкоголем.

– Сто... Нет! Двести грамм, налейте.

Бармен понимающе улыбнулся и последовательно налил благородную, янтарную жидкость из темной матовой бутылки сначала в мерную емкость, потом в бокал, который наполнился почти до краев.

– Нет. Подождите. Давайте триста! – еще раз передумал Мартыненко, смущенным взглядом извиняясь перед барменом за дополнительную суету.

А тот и не думал высказывать претензий за лишние телодвижения. Поставил поднос, на него маленький графинчик, вставил в него воронку и вылил туда содержимое бокала, а за ним остатки бутылки. Заменял бокал на чистый, и добавил ко всей этой красоте фарфоровую розетку с наломанным шоколадом.

Мартыненко расплатился. Бармен вернул сдачу. Владимир Григорьевич недоуменно посмотрел на возвращенные деньги, графин и шоколад:

– Вы не ошиблись? Здесь явно больше трехсот грамм!

– За счет заведения! – парень, к тому же, был еще и психолог.

Мартыненко одним махом выплеснул в бокал добрую половину графинчика: «Приятное заведение. И бармен молодец», – благодарно пронеслось в его голове, после первого большого глотка. Сразу же обожгло и отпустило, разнося по телу только оживляющее тепло. Он занял столик спра-

ва от входа, у стеклянной стены. Повесил на стул, напротив, промокший пиджак и сел сам. Лицом к дождю. Блаженно вытянул, забитые пробежкой, ноги, осторожно, чтобы не заметили, стянул со ступней мокрые туфли, и сделал второй глоток, поменьше, закусывая его дармовым и от этого куда более вкусным шоколадом. «Ну и ладно. Так тоже неплохо. Тем более, тут тепло, и рубашка уже подсыхает,» – из кондиционера над окном, изгоняя сырость холодного лета, бил теплый воздух. Владимир Григорьевич прикрыл глаза...

Ничего не предвещало, но день неожиданно оказался непростым. Его вообще можно было бы считать удачным, если бы не совесть. Грызла, суетливая – непонятно зачем?! – его изнутри, мешая думать и принимать решения, забывая ровный ход мыслей сопливой сентиментальностью. Он злился на нее за это. Уж кому, кому, а ему не надо о себе напоминать. Он точно – доподлинно! – знает, что он, Владимир Григорьевич Мартыненко – настоящий, хороший человек. Он знает, что такое дружба не понаслышке. А Миша – его друг. И точка. И никакой зависти!

Вот только... после того, как Зобин рассказал подробности разговора с Маккинли, о том, что этот фигляр сам вызвался, по сути, не глядя, профинансировать весь этот безумный балаган, совесть в первый раз легонько кольнула Владимира Григорьевича. А потом еще. И еще. А теперь, чем дальше тем больше, и вовсе покоя не дает. «Только я-то тут не при чем! И Мишка – давно уже не маленький! И деньги –

это не игрушка! Ведь он сам, как дурачок, подставляется, тащит свою голову на плаху случая! По гамбургскому счету, он вообще должен быть мне благодарен за то, что это именно я, а не какой-нибудь проходимец, который непременно бы воспользовался ситуацией, теперь в курсе его махинаций...»

...Два года назад совершенно случайно, в одной социальной сети, встретил Владимир Григорьевич до боли знакомый аватар – Ларка! Лариса Тюленева, бывшая сокурсница, пребывала к тому времени, судя по подписи к нему, в США. Кроме того, что они когда-то учились в одной группе, она ему когда-то и нравилась! Не то чтобы он вспыхнул так, что жить без нее не мог, но отношения ей предложил. Взаимностью она не ответила, честно призналась, что влюблена в Мишку. А Зобину до нее дела не было. У него была своя, роковая любовь. В общем, как в той песне: «Мы выбираем, нас выбирают. Как это часто не совпадает...» Ничем хорошим тогда эта история не закончилась.

Но встретить ее через столько лет оказалось чертовски приятно! Он ей написал, она ответила. Обменялись телефонами. Созвонились. Совершенно кстати, все это произошло накануне двадцатилетия их выпуска, на которое он, естественно, ее и пригласил. А она ломаться не стала – приехала – чуть раздобревшая и от этого даже похорошевшая, но повторять попытку наладить более близкие отношения он не стал. Что, в общем-то, было правильно. Дружба есть

дружба.

Во время этой встречи она-то и навела его на мысль заняться языком – английским, техническим. Дескать, время идет, а в этой стране ничего не меняется. Пора и о себе подумать. Хорошие инженеры нужны везде и всегда. Но без языка – никуда. Владимир Григорьевич предусмотрительно проявил патриотизм. Сказал, что ему и здесь хорошо. На этот пассаж Ларка загадочно ответила: «Можно и здесь. Представителем иностранной компании.» Она даже бралась подействовать. Но он, побоявшись что-то менять в своей устроенной жизни, отказался, и разговор этот так и остался только разговором, хотя зерно стремления в душу Мартыненко она посеяла. Чтобы осуществить задуманное, он зарегистрировался на паре околонучных англоязычных форумов. В дебаты не лез, впитывая особенности общения интеллектуалов от прикладной науки...

А в январе этого года, в день рождения Зобина – события, о котором в последнее время никто и не вспоминал – она, как снег на голову, прилетела из Штатов и притащила с собой молодого, щеголеватого паяца, Эндрю Маккинли. Зачем?! Мартыненко лишних вопросов не задавал, а Лариса действовала стремительно. Взяв на себя роль хозяйки торжества, за день собрала роскошный стол, созвала гостей и устроила Мишке юбилей, на который привела и своего американца. Пили, ели, танцевали, насколько позволяло скромное жилище именинника. Владимир Григорьевич изрядно набрался

и обхаживал Ларочку, а Маккинли – Зобина. Опять же, зачем? Мартыненко, при желании, мог бы все выяснить. Но, во-первых, он слишком много выпил, и, во-вторых, в подобное развитие событий даже сейчас верится с трудом, а тогда нечто подобное невозможно было представить. И если он и обратил тогда внимание на Маккинли, то скорее потому, что глупо приревновал его к Ларисе. Только теперь все срослось...

«Миша, Миша, змей-искуситель, навязался ты на мою голову. Ловил бы дальше свою селедку в Тихом океане. Угрозило тебя вернуться!» Мартыненко плевать хотел на наивного американца, насильно всучившего Зобину деньги. На бредовый эксперимент, ставить который возможно разве что в сумасшедшем доме. На Ларису – если и было что – давно отгорело. «Масса и гравитация», – стучало в висках и не давало покоя. Хотя, если быть до конца честным, на массу и гравитацию тоже наплевать! Не было до сих пор ответа, значит и не надо! Не время, и не судьба. Но Мишка – черт бы его побрал! – так элегантно рассовал все по своим местам. Может и неправильно, но так стройно и красиво! Мартыненко не завидовал. Чему тут завидовать? Он знает Зобина всю жизнь. И тот всегда был полон «открытий чудных», с молодых ногтей, и это ничему не мешало, они дружили искренне, по-настоящему. Владимир Григорьевич научился не обращать внимания на все его чудачества, но тут...

Недели две назад, блуждая по иностранным форумам,

Мартыненко наткнулся на обсуждение результатов работы БАК. Оптимизма никто не испытывал. Ожидаемой сенсации не последовало, общее мнение было удручающим: «Гора родила мышь». И почти во всех комментариях сквозила печальная мысль: «Общей, логичной концепции природы массы и гравитации, как не было, так и нет»... Владимир Григорьевич благополучно забыл бы это обсуждение, если бы нелегкая сегодня не принесла Зобина с его проектом. Мартыненко, как мог, попытался скрыть шоковое состояние, пережитое во время разговора с ним, изо всех сил стараясь себя не выдать. По большому счету, Владимиру Григорьевичу было все равно, верна ли теория Зобина или нет. Но если оформить ее в статью, желательно сразу в английском варианте, опубликовать, сделать несколько вбросов в сетях и на форумах, то можно... Можно одним скачком попасть в другую, высшую лигу. А там... В воспаленном сознании возбуждающе замелькали соблазны славы, от которых некстати началась эрекция. Конечно, можно и Зобина в соавторы. Даже нужно! Как только это ему объяснить? Впрочем, как – неважно.

Дождь кончился. Вышло солнце, высверкивая все за окном блистающей чистотой. Коньяк допит. Рубашка высохла окончательно. Владимир Григорьевич натянул туфли, аккуратно сложил подвяленный пиджак и направился было к выходу:

– Дайте еще коньяка, – вернулся он к стойке, – бутылку.

Есть еще такой же?

– Конечно! – бармен хорошо знал свое дело, – Пожалуйста.

Мартыненко взял бутылку со стойки, рассчитался и в хорошем расположении духа вышел вон...

... – Алло – это КГБ? – Владимир Григорьевич набрался основательно. И смаковал-то, кажется, по чуть-чуть, но бутылка незаметно опустела. Удивительно, в какой-то забегаловке, коньяк был так изумительно хорош! Слава Богу, что дома уже.

– Что, простите? – вежливый, но уверенный женский голос на другом конце двусмысленности не допускал, – Вы куда звоните?

– Ой, как вас там... Я в ФСБ попал?

– Да, что Вы хотели?

– Я хотел бы заявить о факте мошенничества в науке, – преодолевая икоту, Мартыненко зажал рукой рот в конце фразы.

– Приходите в управление, пишите заявление, мы рассмотрим. Если факты подтвердятся – примем меры.

Владимир Григорьевич почувствовал, что она сейчас бросит трубку:

– Подождите, подождите! – все адекватные слова дружно повывлетали из головы, – Заявление писать рано! У меня есть оперативная информация, – наконец нашел он подобающую

моменту формулировку, – речь не столько о науке! Я хочу поделиться информацией о присвоении большой суммы денег преступным путем. О мошенничестве.

– Идите в полицию. Это не наша сфера компетенции, – девушка из ФСБ была неумолима.

– Да, но деньги были получены от иностранного гражданина. Американца. Путем обмана! – стараясь убедить собеседницу, он прибег к последнему доводу.

Девушка, наконец, задумалась:

– Хорошо, сейчас я Вас переключу, оставайтесь на линии. Вместо мелодии ожидания, в трубке раздался такой омерзительный, громкий треск, что ее пришлось отдернуть от уха. Вскоре треск прекратился и Мартыненко вернул ее на место.

– Алло? – низкий, бархатный бас был всепроникающим и сразу располагал к откровенности.

– Здравствуйте, я бы хотел сообщить о факте мошенничества в науке, – голос Владимира Григорьевича предательски срывался – выпито, все же, было немало...

...Озеро. Жара. Июль. В руках спиннинг, а на крючке, в глубине что-то огромное. Монстр, а не рыба. Душа поет – вот удача! Трофейный экземпляр, лишь бы леска выдержала. И все бы хорошо, только руки невозможно оторвать от удилища. Приклеены они что-ли?! А рыба тянет. Сильно. Неумолимо. В глубину. И леска не рвется, и крючок не лома-

ется, и рукирослись со спиннингом в единое целое! И кричать, звать на помощь, некого – он один на берегу. Но он кричит! Не на помощь зовет, а от ужаса, потому что огромная рыба затянула в воду уже по пояс! Он кричит, но его надрывающийся голос тонет в грохочущей трели дверного звонка, непонятно откуда доносящегося в такой трагический момент!...

Владимир Григорьевич разлепил глаза, не сразу сообразив, что он дома, валяется ничком на диване, отчего левую руку под головой отлежал до обездвиживания, а в дверь, кто-то долго и назойливо звонит.

«Приснится же такое!» – путаясь в огромных домашних шлепанцах, он, как мог, поспешил в прихожую.

– Кто там? – спросил Мартыненко через дверь, открывать сразу – верх легкомыслия.

– Владимир Григорьевич? – знакомый низкий голос сразу вернул его к действительности, – мы говорили с Вами по телефону.

– Да, здравствуйте! – Мартыненко распахнул дверь, – А как Вы узнали, где я живу?

На пороге стоял высокий, статный, импозантный мужчина лет пятидесяти. Идеально уложенный шатен с правильными, крупными чертами лица. В блестяще, без единой складки, сидящем шелковом костюме асфальтового цвета, серой рубашке «металлик», без галстука и, безукоризненно отполированных, черных кожаных туфлях. От него ненавязчи-

во вяло парфюмом, аромат которого можно было описать одним словом: «Дорогой». Владимир Григорьевич невольно, на полшага отпрянул назад. «Настоящий чекист», – только и пронеслось в его голове.

– Служба такая.

– Понятно, конечно. Извините! О чем это я, – залепетал ошарашенный хозяин квартиры, что «чекист» принял за приглашение войти и с невозмутимостью австралийского крокодила проследовал мимо хозяина, на кухню.

– В комнату, в комнату проходите, – запричитал, семена вслед, Мартыненко.

– Ничего. Мне тут удобнее, – гость оценил беглым взглядом небольшое пространство и расположился за столом, на угловом диване, – у меня дома кабинет тоже на кухне, – улыбнулся он в первый раз, – Разрешите представиться? Егор Васильевич Бельф, – он протянул хозяину служебное удостоверение, с внушающими благоговейный трепет, мечом и щитом на багровой обложке.

Мартыненко уставился в документ, но перед глазами скакало только одно слово – «полковник». Сосредоточиться не получалось:

– Бельф? – только и смог выдавить он из себя.

– Да, такая старая немецкая фамилия. Фон Бельф, если быть до конца точным, – гость старался держаться скромно, но с достоинством.

– Так Вы немец? – не понятно зачем поинтересовался Вла-

димир Григорьевич.

– По имени Егор?! Я Вас умоляю! Вот если бы меня звали Георг, – фсбшник явно умел добиваться расположения, – Это предки мои в восемнадцатом веке были немцами, а я... Я такой же русский, как и Вы. Даже больше!.. Так на чем мы с Вами остановились?

– На чем? – Мартыненко почти по стойке «смирно» слегка перетаптывался с ноги на ногу, изредка промокая предательский пот на лбу.

– На том, что это – не телефонный разговор... Вы неважно выглядите, – неожиданно проявил сочувствие Егор Васильевич. Он смерил Мартыненко взглядом. Тому стало неуютно – «чекист» понял причину его недомогания.

– Да, извините, я попал под дождь. Пришлось, в качестве профилактики... И сейчас... – замешкался хозяин, – Разрешите?

– Конечно, конечно. Что за условности? Мы же не на допросе, – Бельф развел руки, приглашая хозяина не церемониться.

– А сами? Не желаете? – Мартыненко суетливо доставал из холодильника штоф пшеничной, маринованные боровики и копченое сало.

– Эх! Провокация, а не закуска! Да Вы эпикуреец, дорогой мой! Ну что ж, я сам такой! – с одобрительной завистьюотреагировал Бельф, – Но, я на службе. Увольте! – пить с хозяином он отказался.

Владимир Григорьевич, между тем, предусмотрительно достал из настенного посудника две большие, граненые рюмки – мало ли! В одну из них, сглатывая слюну, налил по самый краешек холодной водки, отчего рюмка тут же привлекательно запотела, подцепил вилкой из банки с грибами самую аппетитную шляпку и махом, одним глотком выпил. Мгновение он блаженно жмурился, закусил грибочком, и на глазах преобразившись, готов был «сотрудничать»:

– Итак, что от меня требуется? – потирая руки, Мартыненко сел за стол напротив Бельфа.

– Принесите бумагу, перо и подробно, но коротко изложите мне суть.

– Как это «подробно, но коротко»? Я же предупреждал – я ничего писать не буду!

– Речь шла о том, что Вы отказались писать заявление, насколько я понимаю, – Егор Васильевич был убедителен, – это не заявление. Просто информация. Она нигде не всплывет. Зафиксируйте все на бумаге, чтобы Вы ничего не забыли, и я ничего не упустил. Пишите.

Сказанное было столь непреклонно, что дальше возражать Мартыненко не посмел. Он принес бумагу, ручку, на минуту задумался и начал беспорядочно, письменно излагать суть разговора с Зобиным. Длилось это мучение долго. Бельф проявлял нечеловеческую выдержку и сидел с каменным лицом. А Владимир Григорьевич не столько писал, сколько маялся, что-то причитая себе под нос, то и дело пе-

речеркивая ранее написанное, подолгу останавливался в раздумьях, вскакивал и убегал в туалет. Наконец, он закончил:

– Вот, может немного сбивчиво, но по сути, все, – если бы мы прочитали его трактовку утренних событий, весьма удивились бы разительному отличию написанного от того, что произошло на самом деле.

Бельф, не переворачивая листа, за секунду, одним движением глаз прочитал написанное Мартыненко. По лицу его пробежала тень удовлетворения. Но вопрос, последовавший от него далее, привел Владимира Григорьевича в полнейшее замешательство:

– Какого же наказания Вы для него ждете?

– То есть, как это – какого наказания? И что значит – жду? Для кого? – Мартыненко нервно передернул плечами. Он, конечно же, понимал для кого. Он не понимал, почему Бельф такие, до абсурда неудобные, вопросы ему задает.

– Что за глупость – для кого? Вы понимаете для кого. Но Вам неприятно, что я Вас об этом спрашиваю, – ретранслировал Бельф угрызения Владимира Григорьевича, отчего у того по спине пробежал могильный холодок.

– Странный, согласитесь, вопрос. Я не суд.

– Да. Вы не суд. Вы его друг.

– Я не понимаю. Мне кажется, Вы должны были... – Мартыненко не договорил. В словах Бельфа был явный подвох.

– Я должен был во всем разобраться? Или я должен был убрать Зобина с глаз долой? Подальше и подольше? – Бельф

не мигал. Его лицо походило на каменную маску, – Есть информация, что Вы использовали его. А теперь решили от него избавиться.

– Информация? Это – не информация! Это – чьи-то инсинуации! – Мартыненко судорожно перебирал в голове возможные варианты, – Это Тюленева? Лариса? Это ее информация? Это – сплетни бабские, а не информация! Да она была влюблена в него, как кошка! Тоже мне, информация!

– А Вы в нее. Нехорошо так отзываться о своей, пусть и несостоявшейся... мда... – на лице Бельфа не отражалось ни одной эмоции, – Однако, в чем-то Вы правы. Эта цээршница, как источник информации, доверия не заслуживает – лицо слишком заинтересованное.

– Кто цээршница? – побледнел Мартыненко.

– Тюленева. Не шпионка, конечно. Сотрудница аналитического отдела. Занимается наукой и технологиями в Восточной Европе. Точнее, закатом науки и технологий в Восточной Европе... Но, оставим ее пока в покое. Вот тут, – Бельф ткнул пальцем в перевернутый текст, – Вы называете эксперимент Зобина безумием, и считаете, что место ему, в сумасшедшем доме. Почему?

– Как? – Владимир Григорьевич начал опасаться говорить что-то попало в его присутствии, – Разве Вы не согласны? Вообще-то, у нас учебное заведение, а не исследовательский институт. И мы не занимаемся прикладными исследованиями! В обязанности Зобина никакие эксперименты не входят.

Учебные пособия, стенды и приборы – вот его удел. А он возомнил себя... ученым! И абсурд, который он затеял, иначе его не назовешь – это не эксперимент – это безумие! Лишенное элементарного здравого смысла!

– Здравый смысл? – Бельф оставался непроницаем, – Вы знаете, что такое здравый смысл?

– Егор Васильевич! – Мартыненко потерял осторожность и сорвался на крик, – Перестаньте цепляться к словам! Да, я знаю, что такое здравый смысл! Все знают, что такое здравый смысл! Вот, – он схватил со стола смартфон, запустил приложение «калькулятор», умножил два на два и получил... пять. Трясущимися пальцами он закрыл приложение, запустил его снова, умножил – пять! Удалил «калькулятор» из памяти, перезагрузил смартфон, снова умножил... и в ярости разбил его об стену, – Китайское барахло! Сейчас, сейчас, – Он убежал в комнату, долго рылся там и, наконец, вернулся со стареньким, еще советским, калькулятором «МК», – Сейчас! – Когда и на его зеленом табло выскочила безумная пятерка, Владимир Григорьевич обреченно сполз на табурет, затравлено глядя на своего странного гостя.

– Здравый смысл, дорогой мой Владимир Григорьевич – это Ваше желание упрятать своего друга в психушку или тюрьму, чтобы украсть у него идею и написать статью о массе и гравитации, – наконец-то ожило лицо чекиста, – Нормальное человеческое желание. Простое. Понятное. Вы предлагали выпить? – он взял запотевший штоф и вылил его содер-

жимое в рюмку, которую Мартыненко, на всякий случай, доставал для него. Два литра – чуть меньше! – водки в стограммовую рюмочку! Целиком! Не пролив ни капли, так, словно рюмка эта изнутри была в двадцать раз больше, чем снаружи, – Ваше здоровье! – Бельф опрокинул волшебную рюмку, наколол на вилку пару боровичков и, закатив от удовольствия глаза, отправил их вслед за водкой, – Изумительные грибы. Божественные. Рецепт не поделитесь?

– Кто Вы? – Мартыненко кое-как пересилил оцепенение.

– Собирайтесь, – Егор Васильевич повеселел окончательно, с заразительным удовлетворением проглотив еще и кусок копченого сала, – М-м-м, батюшка Владимир Григорьевич, – смачно и медленно пережевывая нахваливал он, – Можжевельник! Да, Вы – просто мастер чревоугодия! Сибарит!

– Куда? – Мартыненко задрожал от страха.

– Заявление писать. Без него уже не обойтись.

– Какое заявление?

– На госпитализацию. Собирайтесь. Возьмите с собой все, что там у вас полагается...

– Кто Вы?

– Собирайтесь.

Мартыненко, пошатываясь, тяжело поднялся с табурета и на подкашивающихся, ватных ногах, словно на расстрел, побрел в спальню. Снял с себя халат, домашние брюки и замер в ступоре: «На госпитализацию? Что же надеть? Что взять? Куда?!» – он открыл дверцу шкафа, на внутренней

стороне которой, в зеркале отразилась прихожая и входная дверь. Ее спасительный вид замешал в его голове беспощадный, крепчайший коктейль из отчаяния, безумия и надежды. Владимир Григорьевич схватил из шкафа первое, до чего дотянулась рука – зимнюю шапку-ушанку, в которой он обычно ходил на рыбалку. Решительно нахлобучив ее на голову, он выскочил в прихожую и буквально влетел обеими ногами в рыболовные резиновые сапоги. Диким рывком распахнул дверь и с истошным криком: " А-а-а!...» – бросился вниз по лестнице. В трусах, сапогах и шапке...

Глава, в которой не было бы счастья...

– Чего звонишь?! Видишь – дома нет никого. Звонит и звонит! Сейчас милицию вызову! Ходят тут, всякие! Алкаши... – похожая на Шапокляк, соседка Мартыненко дружелюбием не отличалась. Сухонькая, с заостренными чертами лица и желчным, колючим, оценивающим взглядом, она появилась внезапно, высунувшись из-за открывшейся соседней двери справа, после того, как Михаил Дмитриевич несколько раз безуспешно нажал на кнопку дверного звонка квартиры Владимира Григорьевича.

– Не надо милицию. То есть, полицию. Я друг Вашего соседа и коллега по университету. Он на работу не ходит уже два дня. У нас никто не знает, где он и что с ним. И телефоны у него не отвечают: ни домашний, ни мобильный. А мне с ним поговорить очень нужно, – Зобин вынуждено заискивающе посмотрел ей в глаза, казалось – она вот-вот скроется за дверью.

– Нет его. Забрали. В пятницу еще увезли, – Шапокляк заметно подобрела, услышав в голосе Зобина, интеллигента несчастного, умоляющие интонации.

– Куда забрали? – удивился Михаил Дмитриевич.

– Знамо дело, куда. В психбольницу. Куда еще с белой го-

рячкой забирают! – соседка с явным удовольствием просмаковала такую новость.

– Куда? С чем?! – от неожиданности Зобин сел на ступеньку лестничного пролета.

– Я же говорю, в пятницу еще, на прошлой неделе, выбежал вечером во двор с дурным воплем. Всех перепугал до смерти! В шапке зимней, летом-то! А сам в трусах и сапогах. Срамотища! Выскочил и орет на весь двор: «А-а-а! В КГБ нечистая сила!» Мы все, кто был, разбежались, думали – пришибет, а он в будку трансформаторную – шась! – женщина перевела дух.

– В какую будку?! – Михаил Дмитриевич не верил своим ушам.

– Да, во дворе, трансформатор. Забежал туда, что-то дернул, свет во всем доме и погас. А из будки искры сыпятся, страсть! Электрик наш, из ТСЖ, Веня Шаповалов, прибежал, хотел выгнать его оттуда, а тот его проводом с током ткнул, чуть насмерть не убил. Электрика так шибануло – еле выполз наружу. Позвонили в милицию. Те приехали, тоже вытащить его оттуда не могут. Говорят, он кабелем под напряжением отбивается, а от самого перегаром несет! Допился окаянный! – соседка снова остановилась, восстановить дыхание.

– Он же не пил! – только и успел вставить Зобин.

– А ты знаешь, пил он или не пил? Дома-то, втихаря? Чужая душа – потемки, – отвлеклась она и тут же продолжила, –

А потом, уже они, милицейские, вызвали скорую. В психбольницу, говорят, надо его везти. Приехала скорая. Вытаскивайте – просят милицию – его оттуда, мы не можем. А эти отвечают – да мы тоже не можем! Мы думали – это ваш пациент, вам и вытаскивать. А врачи-то и говорят – ну так, отключите ток в будке, пока не поубивал никого. И эти, дураlei, опомнились. Точно! Надо электричество во всем районе выключить. Выключили свет, потом три часа обратно дать не могли, нехристи! Зато соседа наружу на аркане выволокли. Связали веревками и в психушку отправили. А света потом еще три часа, до ночи, не было! Серию из-за них, сволочей, самую важную пропустила.

– На чем вытащили?

– На аркане, волоком. Петля такая на веревке. Еле вытянули. Здоровый детина-то...

...Этот бурный, точнее сумбурный поток сознания привел Зобина в полнейшее замешательство. Выбил почву из-под ног. Он растерянно поблагодарил соседку и вышел на улицу. Во дворе стояла маленькая трансформаторная подстанция. Михаил Дмитриевич подошел к ней. Следов борьбы видно не было. Только огромный висячий замок на двери – абсолютно новый, блестящий, в масле – косвенно подтверждал слова пенсионерки...

«Однако, какое странное совпадение. Только утром мы говорили об этом, а вечером его забирают в больницу с бе-

лой горячкой. При том, что Володя не пил. Нет, он, конечно, мог себе позволить рюмку, другую, но не больше. И то изредка. По случаю. А тут такое», – мысль хоть и рациональная, но совершенно бесплодная. Ясности в хаотичные размышления Зобина она не добавила, – «Таких совпадений не бывает. Но если так, что же это было? И что делать дальше? А может быть Володя, правда, пил втихаря?» – на мгновение смалодушничал Зобин, вспомнив, что водка у Мартыненко никогда не переводилась. Огромная, старинная, двухлитровая бутылка, пятифунтовый штоф, как он ее называл, всегда дежурила в холодильнике. «Да, нет! Чепуха! И я тоже хорош. Тетка ерунду сказала, а я подхватил. Друг называется... Все-таки, история странная и неожиданная. Как бы в ней разобраться?...»

...Михаил Дмитриевич сложил в пакет свои старенькие спортивные штаны, две футболки, пару сменного белья, две пары носков, полотенце, мыло, зубную пасту, щетку и новые тапочки. Судя по рассказу соседки, Володю увезли со двора, чуть ли ни в чем мать родила. А родственники у него были далеко. Теперь с ними просто так и не свяжешься. Тем более, ни адресов, ни телефонов родни Владимира Григорьевича он не знал. В другом пакете уже лежали: Краковская колбаса, сыр, свежая булка белого хлеба, помидоры, огурцы, овсяное печенье, мятные пряники, йогурт, растворимый кофе и чай в пакетиках – в общем, обычные, нехитрые продукты, кото-

рые у нас принято передавать в больницу, чтобы скрасить унылое меню.

«В КГБ нечистая сила? Что за ерунда?!» – навязчиво вертелось у него в голове. Интуиция подсказывала, что разгадка кроется в этой фразе, но что же она означала? Зобин не верил в белую горячку Мартыненко: «Что это? Нервный срыв? Повлиявший на психику, нервный срыв?» – вопросы... одни вопросы...

«Какое странное происшествие... Происшествие, которому нет даже мало-мальски логического объяснения... Да еще накануне эксперимента, проведение которого само теперь под большим вопросом...» – не давали покоя тяжелые размышления, от которых Михаил Дмитриевич пребывал в тревожном унынии.

Он собрался, вышел на крыльцо, достал из кармана ключи, чтобы закрыть дверь.

– Вы Зобин? Михаил Дмитриевич? – в калитку палисадника, навстречу ему, вошел средних лет мужчина: в некогда черной, но уже изрядно выцветшей бейсболке; пепельно-серой, поношенной толстовке; драных джинсовых шортах и новых, дорогих кроссовках из натуральной перфорированной кожи огненно-рыжего цвета.

– Да, – Зобин рассеянно посмотрел на неожиданного гостя.

– Судя по всему, Вы собираетесь навестить Мартыненко в больнице? – посетитель снял с носа модные солнцезащит-

ные очки, поднялся на первую ступеньку крыльца и протянул руку.

– Да, – ответил Зобин на сильное рукопожатие гостя, – А вы, часом, не из КГБ?

– Откуда? – расплылся незнакомец в широкой улыбке, – Я не понял, что это – шутка такая?

– Извините, я имел ввиду ФСБ. Ну, или что-то в этом роде.

– Признаюсь, Вы меня озадачили. С чего Вы взяли? – не сдерживая смехок, переспросил неизвестный. Спустившись с крыльца и распахнув руки, он оглядел себя до пят, повернулся вокруг на триста шестьдесят градусов, как манекенщик, демонстрируя либеральность своего внешнего вида, и задал обезоруживающий встречный вопрос, – По-вашему, я похож на сотрудника спецслужб?

– Вообще-то, нет. Хотя я никогда не имел с ними дело и не знаю, как они выглядят по-настоящему, – Зобин улыбнулся в ответ, – Вы что-то хотели? И откуда Вы знаете, что я собрался в больницу к Мартыненко?

– Догадался. Сам только что оттуда. Но, Вас к нему не пустят. Он в отдельном боксе сейчас размещен. Зафиксирован на кровати. Буйный, говорят, бросается на людей.

– Вы были у него в больнице? Что с ним? Вы его друг? Знакомый? Это он дал Вам мой адрес? – Зобина охватило горячее нетерпение.

– Ваш адрес мне дали в университете. С Вашим другом я

не знаком. Я врач, психиатр. Правда бывший. А теперь занимаюсь психологией. Пишу книгу. Точнее, собираю пока материалы. В этой больнице у меня старые связи.

– Что ж это я?! – опомнившись, всплеснул руками Михаил Дмитриевич и открыл дверь, – Прошу Вас, входите! Извините, лезу с вопросами, а сам Вас на пороге держу!

– Ничего страшного. Я понимаю. Спасибо, – мужчина прошел внутрь...

– Чай? Черный? Зеленый? Кофе? – Зобин взял в руки чайник и остановился перед посетителем, собираясь выйти на кухню.

– Кофе. С удовольствием! – гость чувствовал себя вполне раскованно.

– Итак, о чем Вы хотите со мной поговорить? – вернулся из кухни Зобин, – Я привык пить кофе, заваренный в пуровере. Вы не против?

– Отлично! Делайте, как для себя. Я пью любой. Главное, чтобы сам кофе был хорош и сварен без фанатизма, – Он положил на стол несколько потрепанных листов бумаги – заявку Зобина на проведение эксперимента, которую тот подготовил для Мартыненко, – Это нашли у Вашего друга. Поэтому, я здесь. Мне Ваша идея показалась очень интересной. Свежей. Новаторской. А еще, вот тут, – он перевернул страницу, – Вы ссылаетесь на доктора Дужникова. Это мой учитель.

– Петр Иванович?! Разве он преподавал в университете?

Я не знал.

– Нет. Когда-то давно, – по лицу гостя пробежала печальная тень, – я проходил ординатуру под его руководством в этой больнице. Это я и имел ввиду, говоря, что у меня здесь связи.

– Как он? Теперь уже на пенсии, наверное? Я был его пациентом. Он очень тепло отнесся ко мне в свое время, а я, неблагодарный, так и не навестил его больше ни разу, – помрачнел Зобин.

– Он умер семь лет назад.

Михаил Дмитриевич изменился в лице и снова вышел на кухню. Не было его довольно долго. Вернулся он уже с кофе:

– Извините. Продолжайте, – Зобин поставил перед гостем большую фарфоровую кружку.

– Вот. Понимаете, стечение этих двух обстоятельств и заставило меня Вас найти, – гость отхлебнул кофе из кружки, с удовлетворением посмотрел на нее и одобрительно кивнул хозяину, – Эксперимент, который Вы собираетесь проводить, показался мне неожиданным, свежим, а потому привлекательным. Я бы хотел поучаствовать в нем в любой роли. Понимая, что Ваш друг помочь Вам пока не в состоянии, я прошу Вас заменить его. Мною. Он, насколько я понимаю, должен был заниматься организационными вопросами?

– Да. А что с ним? Вы так и не сказали, – Зобину стало стыдно, что он на мгновение забыл о Мартыненко.

– Официальный диагноз – delirium tremens, но я в это не верю, – гость допил кофе и подошел к окну, – Хорошо тут у Вас. Частный дом. Сад.

– Я снимаю две комнаты. Половину помещения. Отдельный вход. Хозяйка дома – подруга моей покойной мамы. Свою квартиру я давно продал... – Михаил Дмитриевич заглянул в глаза гостю, – А что с ним, по вашему мнению?

– Я уже давно не практикую. Я не видел анализов. Не делал опрос. Меня даже к нему не допустили. Но... Я разговаривал с Вашими коллегами в университете. Все с уверенностью утверждают, что он не пил.

– Да! Я тоже это подтверждаю. Если он и выпивал иногда, то как все нормальные люди, не больше и не чаще. В тот день, когда мы расстались, он вообще был абсолютно трезв.

– Темная история. Все это больше похоже на шок. Шок, повлиявший на психическое состояние. Но, выпустят его оттуда теперь не скоро... – гость остановился, выдержал смысловую паузу, – Ну что, возьмете меня на его место? Я смогу быть Вам очень полезен.

– Я не знаю. Все это так неожиданно... – смутился Зобин, – Вообще, если бы Вы смогли его заменить, Вы бы меня спасли. Но все это не так просто. Вы сказали, что сможете быть полезны. Чем?

– Тут, как говорится, если сам себя не похвалишь, – улыбнулся гость, – Во-первых, я великий организатор, министр-администратор, как шутят некоторые. Во-вторых, я

решу вопрос с врачом. У меня уже есть кандидатура. В-третьих, повторюсь, у меня связи, и я смогу дешево арендовать медицинское оборудование, необходимое для наблюдения. И, наконец, в-четвертых, вопрос с дачей, – он еще раз мельком глазами пробежал по заявке, – можно сказать, уже решен, – с этими словами он достал мобильник, набрал номер и включил громкую связь:

– Алло? – после двух длинных гудков, донесся из телефона голос ректора.

– Алло, Николай Александрович? – гость невозмутимо улыбался, глядя на Зобина.

– Здравствуй, дорогой! Мне уже доложили, что ты в университете, – ректор явно обрадовался звонившему, – Зайди-ка ко мне. Надо поговорить.

– Сейчас, к сожалению, не получится, – гость пожал плечами, – Я был в университете, заходил по одному вопросу, но уже с час, как ушел. Так что, давай попозже. Я обязательно загляну, тем более, у меня к тебе тоже есть дело.

– Какое? Или это – не телефонный разговор? – едва заметно осекся ректор.

– Ничего секретного, – гость продолжал улыбаться, уверенный в себе на все сто процентов, – я хочу взять в аренду на лето дачу на вашей семенной станции. По деньгам не обижу. Все официально. По договору. Его я занесу с собой, когда приду.

– А зачем тебе эта рухлядь? У меня есть место и попри-

личнее, – ректор явно старался угодить незнакомцу.

– Не надо мне приличнее. И вообще ничего больше не надо. Ты же знаешь, я книгу пишу. Вот, в рамках работы над ней, потребовалось одно исследование провести. У меня там группа поработает, в тишине и покое. Человек пять-десять. Ты не против?

– Конечно не против! Пусть работают. И незачем формализм разводить! – ректор неожиданно проявил небывалую щедрость, – Можешь без договора, без аренды пользоваться. Я прикрою, если что, скажу – согласовано, в рамках университетской программы. Зачем тебе лишние расходы?

– Спасибо дорогой, но не стоит, – гость вопросительно посмотрел на Михаила Дмитриевича и отрицательно покачал головой, согласуя с ним общую позицию, – мы уже предусмотрели эти расходы. Нам официальное оформление предпочтительнее.

– Как хочешь. Я хотел, как лучше, – ректор облегченно вздохнул.

– Лучше официально, – гость решил завершить разговор, – Так мы договорились? Я занесу договор?

– Завтра? Если завтра, я буду на месте только до обеда, – предупредительно уточнил ректор.

– Сегодня. Если ты меня подождешь, я буду через полтора часа, – незнакомец был стремителен.

– Договорились. Я подожду. До встречи?

– Спасибо, Николай Александрович. Через час-тридцать

я подъеду. До встречи, – закончил гость разговор с ректором и посмотрел на Зобина уверенным взглядом.

– Ну, знаете, – Михаил Дмитриевич был поражен, – это произвело впечатление! Я рад, что Вы будете мне помогать! – он с готовностью протянул гостю руку, в знак согласия на сотрудничество.

– Пустяки, – снисходительно улыбнулся незнакомец, отвечая на рукопожатие.

– Вы еще о враче упомянули, – Зобин еще не до конца верил в то, что все так неожиданно вдруг начало налаживаться.

– Да. Молодой и очень талантливый.

– А он согласится оставить на время работу? Или он безработный? – опасливо поинтересовался Михаил Дмитриевич.

– Безработный?! Я Вас умоляю! Да его с руками оторвут любые, самые известные клиники мира! – гость дал понять, что залежалым товаром не торгует, – Сейчас над диссертацией работает. Кандидат в кандидаты, – скаламбурил он, – Но я уверен – за деньги – с удовольствием отвлечется.

– Вы сказали, он молодой, – Зобин от радости не понимал, что бы еще спросить, – а вдруг он не справится? Понимаете, какая это специфика... Нам бы поопытней желательнее.

– Пустое! Даже не думайте! Не переживайте. И выкиньте это из головы! У него этого опыта – вагон! Доверьтесь мне. Тем более, у него есть еще одно золотое качество. Он – не болтун.

Последняя фраза просто пригвоздила Зобина на месте. Ему нечего было больше спрашивать. Потому что последние слова гостя в точности повторяли его собственные.

– Может тогда, и Вы хотите у меня что-то узнать? Есть вопросы? – в нерешительности поинтересовался Михаил Дмитриевич.

– Нет. Все понятно. Вопросы, конечно, есть, но их мы будем решать оперативно, по ходу работы. Есть только одно замечание по охране.

– Какое?

– Не надо тянуть время. Не надо искать охранников, с навыками санитаров. Или санитаров с опытом охранников. Это замедлит и удорожит процесс. Надо заключить договор с обычным частным охранным предприятием, а его сотрудников подучить функциям санитаров в первые дни работы. Самим. Пока необходимости в санитарных навыках еще не будет. Так будет и быстрее, и дешевле. Тем более, достойное и недорогое агентство у меня уже есть на примете.

– Действительно. Вы правы. Так и поступим. А мне это даже в голову не пришло, – Зобин еще раз убедился в организаторских способностях своего нового знакомого.

– Ладно, мне пора. Вы же в курсе, – он подмигнул, многозначительно посмотрев на телефон, и ответственно пожал плечами, – надо ехать к ректору. Договор аренды заключать.

– Я правильно понял, что он у Вас даже еще не готов? – Зобин был искренне удивлен.

– Правильно. Не готов, – гость оставался непроницаемо спокоен.

– Как же Вы успеете? Остался лишь час с небольшим, – Михаил Дмитриевич удивлялся все больше.

– Успею! Как у вас говорят: «Не опаздывает лишь тот, кто никуда не торопится?» Так вот, это – про меня. Я такой лентяй, что никогда и никуда не спешу. Поэтому, никогда и никуда не опаздываю, – гость еще раз окинул взглядом комнату, собрал листы заявки, старомодно откланялся и расслабленной походкой уверенного в себе человека направился к выходу.

Зобин поспешил его проводить. Увидев свои пакеты, приготовленные в больницу, для Мартыненко, он окликнул его, когда тот уже переступил порог:

– Вы уверены, что меня не пустят к Володе?

– Уверен. И передачу сейчас не примут. И даже я не смогу Вам в этом помочь. Так что, оставьте пока эту затею. До поры! А потом мы решим и этот вопрос, – Сказано это было со знанием дела, безапелляционно. Гость спустился с крыльца, на мгновение задержался и повернулся к хозяину, – Забыл сказать, хотя может быть, это и неважно. Нашего врача тоже зовут Михаил. Он Ваш тезка, – улыбнулся незнакомец и протянул на прощание руку. Зобин с благодарностью потряс ее и словно опомнился:

– Да! Вы забыли еще кое-что, не менее важное!

– Я? Что же?! – посетитель удивился так, словно он ничего

не забыл.

– Вы забыли представиться сами. Я до сих пор не знаю, как Вас зовут?

– Странно. Мне показалось, что я говорил, – слово «странно» было сказано тоном, предполагающим, что ничего странного в этом не было, – Бельф, – он грациозно мотнул головой, – Егор Васильевич Бельф.

– Очень приятно, – Михаил Дмитриевич еще раз протянул руку, – Я очень рад нашему знакомству. Хочу, чтобы Вы знали – Вы меня просто выручили! Да что там! Спасли! И я очень благодарен Вам за это. Надеюсь, мы с Вами подружимся.

– А вот это – действительно, странно, – Бельф остановил на Зобине немигающий взгляд.

– Что же? – Зобин был счастлив. После таких перепадов настроения, как сегодня, ему уже ничего странным не казалось.

– Вы, пожалуй, первый человек, которого не удивила моя фамилия...

...Вечером того же дня, на пороге заведения, в котором Мартыненко прятался от дождя и в последний раз покупал коньяк, появился редкий посетитель. Высокий мужчина, лет пятидесяти. Шатен с безупречно уложенными волосами и правильными, крупными чертами лица. В идеально сидящем костюме асфальтового цвета, серой рубашке, без гал-

стука и безукоризненных, черных, кожаных туфлях. Это был Бельф. В том самом виде, в каком он впервые предстал перед Владимиром Григорьевичем, то есть, блестящем и строгом – официальном. Войдя, он бегло оглядел маленький зал, увидел одинокого посетителя этого заведения и решительно направился к нему. Сев напротив и недовольно окинув взглядом его внешность, Бельф фальшиво улыбнулся:

– Дайте угадаю – Михаил?

Тот, к кому он обращался – вызывающе красивый молодой человек (даже очень молодой человек): высокий, худенький (субтильный, как метко выразилась бы соседка Мартыненко), голубоглазый блондин с правильными, благовидными, утонченными чертами лица, в белом ситцевом балахоне, бежевых льняных брюках и молочного цвета сандалиях на босу ногу, едва заметно кивнул, подтверждая предположение Егора Васильевича.

– Прелестно. Вы меня знаете? – спросил Бельф, не глядя на собеседника. Он искал глазами отлучившегося бармена.

– Знаю, – добродушно ответил юноша.

– А я Вас нет, – Бельф продолжал смотреть мимо молодого человека, за стойку, туда, где так и не появлялся запропастившийся бармен, – И о чем это говорит?!

– О чем? – к удивлению, Михаил совершенно не обиделся.

– О том, кто из нас двоих – главный, – Бельф был явно раздосадован молодостью, точнее, даже юностью, и внешним видом своего собеседника, – Я понимаю, что тебе выбирать

не приходилось, – Егор Васильевич неожиданно, без церемоний перешел на «ты», – но... Что они у вас там о себе думают? Это же не серьезно. У нас, например, вопрос решался на самом высоком уровне. Хотя я до сих пор не понимаю, почему ему уделяется такое пристальное внимание, но на самом верху! И мне он был поручен не сразу. Даже то, что это – полностью мой профиль и моя сфера влияния, не стало решающим фактором, при утверждении моей кандидатуры. И старые заслуги не принимались в расчет.

Появился бармен. Бельф гневно прищурился и резко кивнул головой, приглашая того подойти.

– Что будешь пить? – спросил он, между делом, Михаила.

– С Вашего позволения, ничего, – молодой человек оставался абсолютно спокоен.

– Зря, коньяк здесь – определенно лучший в мире, – доверительно подмигнул Егор Васильевич.

– Я не пью ничего кроме воды, – аскетично парировал Михаил.

– Ну и дурак, – коротко отреагировал Бельф. Бармен тем временем подошел к столику и Егор Васильевич недовольно обратился к нему, – Ты где пропадаешь в рабочее время? Накажу!

– Шеф, я не виноват. На заднем дворе принимал бакалею. Машина приехала, товар привезли, – круглолицый бармен был расторопен и лаконичен.

– Ладно, – сбавил обороты Бельф, – Мне большой бокал

коньяка и сигару кубинскую, а ему, – он нервно кивнул головой в сторону собеседника, – простой воды.

– Мне ничего не надо, – спокойно вклинился в разговор Михаил, – Я сказал, что пью только воду. Я не говорил, что хочу пить сейчас.

– Скажите пожалуйста, – Бельф продолжал злиться на всех, – Значит, принеси мне коньяк, а этот, – он даже не посмотрел в сторону молодого человека, – пусть так посидит.

Бармен ушел и вернулся назад с большим бокалом коньяка, сигарой и зажигалкой так быстро, словно все это было заготовлено у него заранее и стояло у Бельфа за спиной. Егор Васильевич изрядно отхлебнул и недобро взглянул на юношу:

– Продолжим. Ваша контора решила меня подставить? Все же было согласовано. И не раз! Я же рекомендовал тебя Зобину, как молодого, но опытного – понимаешь? – опытного врача, работающего в настоящее время над диссертацией. И?! Как я теперь тебя ему покажу? Как представлю? Он же резонно спросит: «Что это за тинейджер?» И будет прав! В вашем ведомстве совсем уже ослепли в собственной непогрешимости? Не видят очевидного? Это же халтура!

– Не беспокойтесь. Я сумею его убедить, – парировал Михаил, – А еще, я уверен, что Ваши рекомендации дорогого стоят.

– Что есть, то есть, – Бельф благодушно откликнулся

на мелкую лесть, – Я не сомневаюсь, что, как врачу, тебе равных нет, но уж больно сопливо ты выглядишь, дорогой мой Миша! – Егор Васильевич еще раз шумно отхлебнул из бокала, задумался и постарался поглубже заглянуть в бездонные голубые глаза собеседника, – А ты ничего мне больше сказать не хочешь?

– Сказать? – молодой человек никак не изменился в лице, – Что Вы имеете ввиду?

– Не знаю. Знал бы – не спрашивал. Я еще пока не во всем разобрался. И главное, не могу понять, почему Вы решили позволить ему провести этот эксперимент? Обычно, такие персонажи заканчивают свои дни у нас, в сумасшедшем доме. А тут вдруг такое внимание. И содействие. Засуетились все. Забегали. И наши. И ваши. Хотя, при чем тут ваше ведомство? Зобин – это же абсолютно наш клиент. Мой клиент! Мне его и вести. Так, при чем тут вы? Заметь, при чем тут ты, я не спрашиваю, я понимаю – тебе выбирать не приходилось. Послали, так послали. Но контора-то твоя вездесущая куда лезет? Дело проиграно, шансов нет, компетенция не у дел, а вы все туда же! Тебе самому-то не обидно? Может, мы сейчас, тут, с тобой вдвоем, договоримся обо всем, и ты спокойно, без нервов и суеты, подашься восвояси? А? Дело-то безнадежное. Неужели ты не понимаешь, что ваши святоши тебя сливают? Может договоримся? – Бельф, казалось, кое-как, наконец, успокоился.

– Нет. Все будет так, как будет, и никак не иначе, – Михаил

отгородился, явно заранее заготовленной, фразой.

– Не люблю я наивных дурачков. Не уподобляйся коим, – голос Егора Васильевича неожиданно опустился до сакрального, низкого баса, – А по сему, предлагаю еще раз подумать, может тебе есть что мне рассказать? Что-то, о чем я не знаю?

– Мне добавить нечего, – Михаил добродушно пожал плечами.

– Я так и подумал, – Егор Васильевич презрительно смерил взглядом своего собеседника. На мгновение по его лицу пробежала легкая тень сомнения. Он еще раз внимательно посмотрел в ясные очи Михаила, но не увидев в них ничего, кроме раздражающей прямоты, брезгливо отвел взгляд.

– Что-то не так? – бесстрастно поинтересовался молодой человек.

– Ничего. Показалось. Ступай отсюда. Ты меня утомил...

Глава, в которой все только начинается

– Как?! Вы еще спите?! – за распахнутой дверью стоял ослепительно жизнерадостный Бельф: в дачном камуфляже, широкополой соломенной шляпе и парусиновых мокасинах, – Знакомьтесь! Михаил – Михаил! – артистично взмахнув рукой, представил он друг другу Зобина и молодого врача, стоявшего внизу, за спиной Егора Васильевича, на песчаной дорожке, ведущей к крыльцу.

– Извините. Сплю. Вы же ни о чем не предупредили! – покраснел Зобин. Ему стало неловко от того, что он выскочил открывать дверь в шортах и шлепанцах! Этот утренний визит и впрямь стал для него полной неожиданностью, – Извините, – Михаил Дмитриевич спустился со ступенек и протянул руку молодому человеку, – Здравствуйте. Очень приятно. Михаил.

– Взаимно, – ответил тот на рукопожатие, – А мне представляться, как я понимаю, не имеет смысла? – попытался пошутить юноша.

– Может, обойдемся без реверансов! – вмешался в обмен любезностями Егор Васильевич, – Давайте, собирайтесь. И побыстрее. А то нас машины ждут. Только, чур! Вначале – кофе! Для меня. Хвалить не стану, скажу одно – он у Вас

получается!

– Куда собираться? Какие машины? – Зобин был немало обескуражен.

– Вон, – Бельф махнул рукой в сторону забора, – Мебель, матрасы, белье и видеонаблюдение. Поедем, показывайте дорогу. А то я пока даже не знаю, где эта дача находится, – За забором стояли два фургона грузовой компании. Было слышно, как переговаривались между собой сопровождавшие их грузчики.

– Однако, – огорошено протянул Зобин, поднимаясь на крыльцо, – Ваша стремительность поражает. Проходите, проходите! – он распахнул дверь шире, приглашая ранних гостей войти в дом, – Располагайтесь! Я скоро! Значит, Вам кофе? – переспросил Бельфа Михаил Дмитриевич, – а Вам? – повернулся он к молодому человеку.

– А он ничего не будет! – съязвил Егор Васильевич, злобно глядя на Михаила.

– А мне воды. Простой, чистой воды, – неожиданно для Бельфа парировал тот.

– Просто воды? – переспросил Зобин, – Может, чаю хотите? У меня есть хороший, зеленый чай.

– Нет. Просто воды. И только. Пить очень хочется.

– Хорошо, как скажете, – Зобин убежал на кухню – хлопотать, а Бельф удостоил Михаила жестким, немигающим взглядом, – Вода, – быстро вернулся Зобин и поставил перед молодым человеком большой запотевший фужер, – пря-

мо из холодильника.

– Почему Вы на меня так смотрите? – поднеся стакан к губам, молодой человек остановился, поймав на себе долгий, беспокойный взгляд Зобина, – Боитесь, что я не справлюсь?

– Боже, упаси! – спешно, и как бы извиняясь, возразил Михаил Дмитриевич, вскинув для убедительности правую ладонь, – Если честно, вчера, когда Егор Васильевич сказал мне о том, что Вы еще молоды, у меня возникли сомнения, но сегодня, стоило мне Вас увидеть, они куда-то улетучились! И это – неожиданно, скажу я Вам, потому что я по натуре своей человек беспокойный, сомневающийся. Но, после рукопожатия с Вами, мне вдруг стало легко. В Вас чувствуется спокойствие и уверенность. И опыт. Теперь я, почему-то, не сомневаюсь в том, что Вы справитесь.

– Спасибо за доверие. Будем считать его авансом. Я его пока ничем не заслужил, – юноша едва заметно покраснел, – И все же, мне показалось, я увидел тревогу в Ваших глазах.

– Это не тревога. У меня такое чувство... А мы не виделись с Вами раньше? Меня не покидает ощущение, что мы уже где-то встречались.

– Возможно. Если Вы вспомните – где? – едва заметно улыбнулся тот.

– Кофе! – напомнил о себе, на мгновение забытый ими, Бельф, – Я хочу кофе! Делайте его побыстрее и собирайтесь! Нас ждут, – призвал он Михаила Дмитриевича шевелиться.

– Ах, да! Извините. Я быстро. Сейчас я его заварю. Вода,

наверняка, уже кипит, – Зобин снова скрылся на кухне.

– Полегче на поворотах, Миша, – зашипел Егор Васильевич на молодого человека, – Хватит ему глазки строить. Делом! Делом занимайтесь, юноша!

– Извините, что заставил себя ждать. Вот, кофе, – Зобин вернулся и поставил перед Бельфом вчерашнюю кружку. Он был уже одет и с рюкзачком на плечах, – Я готов.

– Все-таки, даже не смотря на аванс, можно? – Михаил подошел к нему, взял за запястье, посчитал пульс. Оттянул нижнее веко левого глаза. Попросил открыть рот, – Шире откройте. Покажите язык. Снимите рюкзак и рубашку, – он достал фонендоскоп и приложил его к груди, – Не дышите. А теперь дышите. Глубже. Повернитесь, – прослушав Зобина со спины, он велел ему одеваться, – Точнее можно было бы сказать, после обследования, но в целом, Вы здоровы. Есть, правда, небольшие проблемы с верхними дыхательными путями. Предрасположенность к бронхитам. Особенно осенью и весной. Слабая тахикардия. И по утрам, наверное, слегка немеют пальцы левой руки. Возможно, нарушение периферического кровообращения и увеличенная свертываемость крови. В общем, бросайте курить, Михаил Дмитриевич. И кофе лучше не злоупотреблять.

– Все точно. Бронхиты весной и осенью. И рука иногда немеет. Я брошу курить. Когда-нибудь. Обязательно, – еле слышно отозвался Зобин, – Я в Вас и так не сомневался. Но, признаюсь, Вы меня удивили.

– А еще, Михаил Дмитриевич, – молодой человек лихо закрутил на указательном пальце трубки фонендоскопа и су-нул его в чехол, – сделайте одолжение, говорите мне «ты». Пожалуйста.

– Хорошо. Договорились, – не стал возражать Зобин, – тогда и ты, Миша, тоже ко мне на «ты» обращайся, – и немного подумав, он рассеянно добавил, – И все-таки, где-то я тебя видел...

Возникла неловкая пауза, из которой всех вывел Бельф:

– Можно я тоже Вас удивлю? – спросил он Зобина до-вольным голосом, – Вот – договор аренды, ректор все под-писал. Вот Ваши ключи от объекта. Есть еще два комплек-та: у меня и бригадира рабочих. А это – договор с охраной. Вот тут счет на аппаратуру для видеонаблюдения. Я добавил в него четыре камеры инфракрасного диапазона, для ночной съемки. Странно, что Вы их не предусмотрели. Завтра под-пишем договор на аренду медоборудования и... – он сложил перед Михаилом Дмитриевичем стопку документов, к кото-рым приложил свою деятельную руку, придавив ее сверху тяжелой связкой ключей, – и можем начинать работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.